

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. САВОДНИКА.

Выпускъ 11-ый.

**О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ
ТВОРЧЕСТВА**

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

(Двѣ статьи).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмаковыхъ
Москва — Петроградъ — Казань.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Θ. Саводника.

Выпускъ 11-ый.

О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ
ТВОРЧЕСТВА
А. Н. ОСТРОВСКАГО.

(Двѣ статьи).

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

Въ составленномъ имъ незадолго до смерти «Краткомъ послужномъ спискѣ», въ которомъ Григорьевъ изложилъ на немногихъ страницахъ общій ходъ своего нравственнаго развитія и своихъ «литературныхъ скитальчествъ», онъ говоритъ между прочимъ о томъ громадномъ значеніи, которое имѣло для него сближеніе съ Островскимъ: «Явился Островскій, и около него, какъ центра, кружокъ,—въ которомъ *нашлись* всѣ мои, дотолѣ смутныя вѣрованія». Такимъ образомъ самъ Григорьевъ приписываетъ Островскому рѣшающее значеніе въ дѣлѣ окончательнаго опредѣленія и установленія своего общаго міросозерцанія, того направленія мыслей и симпатій, которому онъ оставался вѣренъ до конца своихъ дней. Островскій своими произведеніями и всѣмъ направленіемъ своего творчества какъ бы уяснилъ ему самому то, что смутно назрѣвало въ его душѣ и что нуждалось въ какомъ-то внѣшнемъ толчкѣ, для того чтобы сложиться и кристаллизироваться въ сознательное убѣжденіе.

Мы ничего не знаемъ о томъ, когда именно произошло знакомство между Островскимъ и нашимъ критикомъ; возможно, что начало его относится еще къ 1847 году, когда Островскій впервые выступилъ въ печати, въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» Драшусова (сцены изъ комедіи: «*Несостоятельный должникъ*», № 7; «*Картины семейнаго счастья*», №№ 60—61); тамъ же только что возвратившійся изъ Петербурга Григорьевъ помѣщалъ многочисленныя рецензіи и критическія статьи, изъ которыхъ обратила на себя вниманіе его статья о «Перепискѣ» Гоголя («*Гоголь и его послѣдняя книга*», №№ 56, 62—64). Кругъ сотрудниковъ этой литературной газеты, издававшейся всего одинъ годъ, былъ очень невеликъ, и потому весьма возможно, что первоначальное знакомство Григорьева съ Островскимъ относится именно къ этому времени. Но окончательное сближеніе ихъ произошло лишь тогда, когда оба они вошли въ составъ такъ называемой «молодой редакціи *Москвитянина*», представлявшей собою тѣсный дружескій кружокъ, объединенный общностью интересовъ, вкусовъ и симпатій. Центральную роль въ этомъ кружкѣ молодыхъ и талантливыхъ литераторовъ занялъ, благодаря превосходству своего дарованія, А. Н. Островскій, помѣстившій въ «*Москвитянинѣ*» цѣлый рядъ своихъ драматическихъ произведеній, а Григорьевъ съ величайшимъ увлеченіемъ взялъ на себя роль глашатая славы новаго литературнаго свѣтила и истолкователя его произведеній. Не обинуясь, онъ провозгласилъ Островскаго носителемъ «новаго слова», долженствующаго обновить русскую литературу, вывести ее на широкую дорогу самостоятельнаго развитія, придать ей истинно національное значеніе. Въ стихотвореніи «*Искусство и правда*» («*Москвитянинъ*», 1854 г., № 3—4), Григорьевъ даетъ слѣдующую характеристику Островскаго, какъ поэта, глубоко проник-

нутаго духомъ *народности*, сумѣвшаго воплотить въ своихъ созданіяхъ то, что безсознательно жило въ глубинѣ русской души:

Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ окружилъ,
И новое сказалъ онъ слово,
Хоть правдѣ старой послужилъ.
Жила та правда между нами,
Таясь въ душевной глубинѣ;
Быть можетъ, мы ее и сами
Подозрѣвали не вполне.
То въ нашей пѣснѣ благородной,
Живой, размашистой, свободной,
Святой, какъ наша старина,
Порой намъ слышалась она,
То въ полныхъ доблестей сказаньяхъ
О жизни дѣдовъ и отцовъ,
Въ святыхъ обычаяхъ, преданьяхъ
И картяхъ былыхъ вѣковъ...

Въ настоящій выпускъ вошло двѣ статьи Григорьева, посвященныя Островскому; первая изъ нихъ, болѣе ранняя: «О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ» напечатана въ 3-ей книжкѣ «Москвитянина» 1855 года; вторая, вызванная постановкой «Грозы» и—что очень знаменательно—посвященная Тургеневу, напечатана въ газетѣ «Русскій Міръ» 1860 года (№№ 5, 6, 9 и 11). Но не слѣдуетъ думать, что Григорьевъ ограничился въ отношеніи къ Островскому этими двумя этюдами: во многихъ другихъ статьяхъ нашего критика разбросано немало страницъ, посвященныхъ его любимому драматургу; такъ, напр., въ «Обозрѣніи русской литературы за 1852 годъ» («Москвитянинъ», 1853, № 1) мы находимъ, обширный разборъ комедіи «Бѣдная невѣста»; постоянно упоминается и говорится объ Островскомъ въ многочисленныхъ театральныхъ рецензіяхъ Григорьева; наконецъ, отдѣльныя замѣчанія и сужденія о немъ разбросаны едва ли не во всѣхъ писаніяхъ нашего критика.

Обѣ печатаемыя ниже статьи посвящены главнымъ образомъ выясненію національнаго значенія творчества Островскаго, а во второй изъ нихъ, кромѣ того, много мѣста отведено полемикѣ съ критиками противоположнаго лагеря, главнымъ образомъ съ Добролюбовымъ, при чемъ Григорьевъ возстаетъ противъ выставленнаго авторомъ статьи о «темномъ царствѣ» взгляда на Островскаго, какъ на чистаго сатирика, стараясь выдвинуть и подчеркнуть все то *положительное*, что есть въ произведеніяхъ Островскаго и въ его отношеніяхъ къ русской дѣйствительности. Къ сожалѣнію, обѣ статьи, какъ это нерѣдко бывало у Григорьева, остались незаконченными. Статья по поводу «Грозы» почти цѣликомъ вошла впослѣдствіи въ позднѣйшую работу Григорьева: «Русскій театръ: современное состояніе драматургіи и сцены» («Время», 1863 г., № 2), вмѣстѣ съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ статей его объ Островскомъ.

О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Тому назадъ какихъ-нибудь десять съ небольшимъ лѣтъ наша критика ¹⁾, въ какомъ-то упоеніи, возглашала на каждомъ шагу: „Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ“—„Гомеръ, Шекспиръ, Пушкинъ, Лермонтовъ“ — „Гомеръ, Шекспиръ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь“ — „Шекспиръ, Байронъ, Лермонтовъ, Гоголь, г. D. или г. X.“ и т. д. Возводитъ въ міровые геніи сегодня, и завтра присоединять къ числу таковыхъ еще новаго, часто жертвуя прежними, не стоило ей большого труда. Замѣчательно, что, создавая геніевъ за геніями, она все чаще стала забывать имя Пушкина, и когда кругозоръ по истинѣ многодумнаго Гоголя расширился, помимо желанія и вѣдома господъ, державшихъ въ рукахъ своихъ кормило критики, — она сперва сквозь зубы, а потомъ и во всеуслышаніе начала подготавливать его развѣнчаніе, относясь съ ироніею къ задачамъ, которыя полагали себѣ поэтъ въ лирическихъ мѣстахъ своихъ „Мертвыхъ Душъ“, и заботу о выполненіи которыхъ онъ такъ искренно, прямо и ясно высказалъ въ предисловіи ко второму изданію первой части своей поэмы; мало того, критика не устыдилась объявить, что г-ну D, или г-ну X. суждено играть въ литературѣ нашей роль, можетъ быть, выше роли Гоголя, и т. п. Любопытное и странное явленіе, тѣмъ болѣе любопытное и странное, что оно повторяется не разъ въ исторіи нашей критики. Зрѣлыя произведенія

¹⁾ Мы разумѣемъ здѣсь критику Телеграфа, Библіотеки для Чтенія, Отеч. Записокъ, Современника, Пантеона—сходную болѣе или менѣе въ основныхъ положеніяхъ.

Пушкина не нравилсь самымъ жаркимъ поклонникамъ его прежнихъ, сравнительно легкихъ произведеній; „Борись Годуновъ“ не соотвѣтствовалъ тому идеалу исторической драмы, который составила для себя критика Телеграфская; „Анжело“ казался критику Телескопской написаннымъ тяжелыми виршами, и критика восклицала: „Теперь мы не узнаемъ Пушкина: онъ умеръ или, можетъ быть, обмеръ на время!“—Наконецъ, самыя посмертныя его произведенія встрѣчены были съ какою-то непростительною холодною, и новые кумирчики, надѣланные критикою, стали заслѣплять отъ глазъ молодежи его лаврами увѣнчанный ликъ. Та же исторія повторилась и съ Гоголемъ, какъ только взгляды его на жизнь вообще и на нашу русскую жизнь въ особенности, возвысился на такую степень, на которую не могла взойти съ нимъ критика. Что касается до Лермонтова, то сей послѣдній слишкомъ мало жилъ и обозначился для того, чтобы перерости своихъ поклонниковъ; но такъ какъ и въ немъ, по весьма глубокому и вѣроподобному предположенію Гоголя, готовился великій живописецъ русскаго быта, т.-е. художникъ, творящій изъ началъ коренныхъ русскихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что критика, усмотрѣвши его отклоненіе отъ пути, ею заранѣе предназначаннаго—развѣнчала бы его и загородила бы кумирчиками г.г. D., N., и т. п., начавши, разумѣется, предварительно, постепенно и незамѣтно, съ присоединенія ихъ именъ къ его имени. Что это было бы такъ—дѣло ясное и несомнѣнное для всякаго, кто лѣтъ двадцать, пятнадцать или даже десять слѣдилъ за похождениями нашей журналистики.

Смѣлость критики въ увѣнчаніи или развѣнчаніи литературныхъ дѣятелей, дойдя наконецъ до нелѣпости, должна была замѣниться другою крайностью. Разочарованіе перешло въ извѣстнаго рода осторожность, не въ ту, впрочемъ, которая не доскажетъ иногда слова, боясь погрѣшить передъ общимъ смысломъ, но въ ту, которая, изъ страха впасть въ смѣшное, готова скорѣе отрицать, чѣмъ полагать что-либо, скорѣе унижать, чѣмъ возвышать, въ осторожность нравственной дряхлости, на все смотрящей съ улыбкою недоувѣрія, въ осторожность, которая *„не вѣритъ только потому, что вѣрила нѣкогда всему“*. Въ такомъ состояніи одряхленія находится въ наше время критика, которая нѣкогда такъ смѣло разрывала всякія связи съ историческимъ преданіемъ, которой нипочемъ было *разсудить*, что Карамзинъ (Карамзинъ—

имѣвшій общее образованіе, Карамзинъ—сынъ своей эпохи по преимуществу, Карамзинъ—историкъ государства Россійскаго!) былъ *значительно ниже своей задачи*,— и такъ же нипочемъ было провозгласить печальную пѣснь, въ родѣ *Бѣдныхъ Людей*, и анатомическій препаратъ, въ родѣ *Двойника*—геніальными произведеніями!

Обжегшись на молокъ, станешь дуть и на воду, и становясь на мѣсто одряхлѣвшей критики ¹⁾, мы можемъ понять, что ей теперь, съ своими идейками и своими кумирчиками, мудрено признать что-нибудь новое, живое въ литературѣ, что она, нѣкогда столь расточительно раздававшая патенты на геніальность, засмѣетъ теперь первая всякаго, кто первый назоветъ и дѣйствительно геніальное геніальнымъ; потомъ, когда десятки, сотни тысячъ людей, однимъ словомъ масса покажетъ свое трепетное и живое сочувствіе къ новому, начнетъ дѣлать нѣкоторыя уступки, потому что противъ рожна нельзя прати; сначала сквозь зубы, потомъ все громче и громче,—наблюдая приличную постепенность. А именно: 1) *Въ одномъ № журнала*: мы, де-скаль, сами готовы признать за гг. NN. то-то и то... Но... 2) *Черезъ два три номера*: хотя и видимъ мы такіе-то недостатки въ новомъ произведеніи г. N., но ему неоспоримо принадлежитъ первенство въ современной нашей литературѣ: это первенство признаемъ мы и признавали, конечно, но... 3) *Въ слѣдующемъ №*: мы всегда признавали N. (уже просто имя, а не г. N) за талантъ первостепенный, за одинъ изъ такихъ талантовъ, которые начинаютъ собою новую эпоху въ литературѣ и т. д. Какъ только добралась критика, съ приличною постепенностью, до нарѣчія: *всегда*,—она выбралась на ровную дорогу и пошла смѣло говорить то, надъ чѣмъ за два, за три года смѣялась. Чему посмѣешься, тому и поработаешь.

Все это понятно въ одряхлѣвшей критикѣ, но было бы не только непонятно, но фальшиво со стороны людей свѣжихъ и смотрящихъ на людей безъ разочарованія, пріобрѣтеннаго излишними предварительными очарованіями. Стыдно тому, кто, чувствуя сердцемъ и понимая исторически извѣстную правду, побойтся сказать ее потому только, что она нѣкоторымъ покажется смѣш-

¹⁾ Григорьевъ имѣлъ, конечно, въ виду такихъ элигоновъ Бѣлинскаго, какимъ являлся, напр., главный критикъ „Отеч. Записокъ“ 50-хъ годовъ Дудышкинъ.

на и неприлична; стыдно и тому, кто, высказавши правду, хотя бы даже и не во время и не вполне, намекомъ только, отступится отъ нея, заслышавши смѣхъ за собою,—потому что въ первомъ нѣтъ вовсе вѣры въ правду, а во второмъ слишкомъ мало вѣры въ нее, и слишкомъ много самолюбія. Правда возьметъ свое: она хоть и глаза колетъ, да за то одна остается, когда все минется. И на тѣхъ, которые прежде другихъ почувствовали правду, лежитъ прямая обязанность разъяснить ее по силамъ и разумѣнію для самихъ себя и для другихъ, не боясь даже впасть въ увлеченія, ибо во всякомъ случаѣ увлеченіе правдою выше и по смыслу и плодотворнѣе по дѣйствіямъ тупого, старческаго равнодушія, выдаваемого часто за безпристрастіе и подъ такимъ именемъ подкупающаго иногда, хотя, конечно, не надолго, сочувствіе къ себѣ людей благомыслящихъ, которые относятся правильно къ новымъ явленіямъ въ искусствѣ, въ наукѣ, и въ жизни, но имѣютъ несчастіе думать, что всѣ такъ же, какъ они, къ нимъ относятся, и что, стало быть, объ этихъ явленіяхъ, такъ же какъ и обо всемъ, должно говорить тономъ умѣреннымъ и спокойнымъ, забывая, что многихъ введетъ только въ искушеніе такой тонъ, что большинству правда должна быть даваема „*не съ тьрой, а съ вьрой*“,—что безпристрастіе такое, которое равнымъ и всегда ровнымъ тономъ говоритъ о высокихъ и обыденныхъ явленіяхъ въ искусствѣ, о крупныхъ достоинствахъ и недостаткахъ первыхъ, и о мелкихъ достоинствахъ и недостаткахъ послѣднихъ,—этимъ самымъ тономъ дѣлаетъ безобразное между ними сближеніе, и даетъ поводъ другимъ, тупымъ или недобросовѣстнымъ въ критикѣ лицамъ, загоразивать на время высокое созданіе безпутною кучею галантерейныхъ вещицъ, поставленныхъ съ нимъ на одной и той же полкѣ. Собственно говоря,—но это, впрочемъ, мое личное мнѣніе, за которое я одинъ и подвергаю себя отвѣтственности,—смѣшно даже и говорить серьезнымъ тономъ о галантерейныхъ вещицахъ, когда есть хоть одно художественное изваяніе, съ высокими достоинствами и съ соразмѣрными же, пожалуй, недостатками,—и *равное* безпристрастіе въ этомъ случаѣ есть или просто самообманываніе, или робость и тайная неувѣренность въ своихъ началахъ. Вотъ, я, дескать, попробую пояснѣе другихъ высказать недостатки произведенія, которое я считаю, немножко втихомолку, гениальнымъ: авось тогда я буду имѣть право пустить въ ходъ этотъ эпитетъ; я притворюсь, что

пишу объ немъ холодное изслѣдованіе, когда вся моя душа потрясена имъ, когда оно оправдало мои неясныя стремленія, мои лучшія зрѣлыя мысли, мои эстетическія и даже нравственныя начала, чтобы не посмѣялись надо мною тѣ, съ кѣмъ у меня въ сущности, нѣтъ ничего общаго,—чтобы даже и они признали мое безпристрастіе, и такимъ признаніемъ обличивши самихъ себя, вынуждены были бы согласиться со мною въ оцѣнкѣ новаго явленія. Первое дѣло, что до одобренія или похвалы таковыхъ мыслящему человѣку не должно быть ни малѣйшей нужды; а второе, и главное дѣло, что на судъ собственной совѣсти окажешься неблагодаренъ къ произведенію, которое тѣсно связано съ душевными вопросами. Только время есть настоящій оцѣнщикъ произведеній гениальныхъ, т.-е. такихъ, которыя при безотносительныхъ, чисто-художественныхъ достоинствахъ имѣютъ еще то свойство, что бьютъ прямо въ историческую жилу, даютъ отвѣты на вопросы эпохи, и тѣмъ могущественно на оную дѣйствуютъ; многое, что намъ кажется недостаткомъ, въ будущемъ причислено будетъ къ достоинствамъ, и, наоборотъ, многое такое въ будущемъ сойдетъ на степень красоты относительной, чему настоящее придаетъ значеніе безусловное, и мало того:—есть еще причина, по которой равенство тона несправедливо въ отношеніи къ высокимъ и мелкимъ явленіямъ настоящаго, и *summum jus* будетъ *summum injuria*:—причина мало лестная для чести природы человѣческой, но тѣмъ не менѣе существующая, причина, высказанная великимъ поэтомъ-идеалистомъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehn...

т.-е. „Любить міръ чернить все сіяющее и все высокое свлекать во прахъ“. Есть множество людей, которыхъ оскорбляютъ *внутренно* высокія явленія, или потому, что напоминаютъ имъ о ихъ собственномъ ничтожествѣ и безобразіи, или потому, что идутъ въ разрѣзъ съ ихъ кабинетными идейками, или, наконецъ, потому, что возникли безъ ихъ вѣдома и согласія. Уровень безпристрастія, приведенный въ глазахъ ихъ людьми правильно мыслящими, но считающими обязанностью прикрывать свое глубокое сочувствіе личиною холодности,—для нихъ, до тѣхъ поръ молчавшихъ изъ осторожности, будетъ поводомъ къ снятію маски; а соблазнится они сами,—соблазнятъ и многихъ другихъ. Гениаль-

ныя произведенія всегда тѣсно связаны съ разными большими мѣстами природы современнаго человѣка—и много есть, къ сожалѣнію, больныхъ, ищущихъ только повода не прикладывать къ больнымъ мѣстамъ мази, которая нѣсколько больно дѣйствуетъ. Да простятъ мнѣ такое аптекарское сравненіе, и да не подумаютъ, чтобы я искусство посылалъ ординаторомъ въ больницу. Искусство свободно и само себѣ цѣль; его высокія произведенія идутъ въ душѣ творцевъ отъ образовъ, а не отъ идей, но тѣмъ не менѣе, посредствомъ личностей творцовъ, плотью и кровью связаны съ современностью.

По всѣмъ этимъ, по крайнему разумѣнію изложеннымъ мною обстоятельствамъ, я думаю, что полное безпристрастіе, въ отношеніи къ современнымъ высокимъ явленіямъ искусства, принадлежитъ къ числу однихъ желаній, всѣми признаваемыхъ за желанія и всѣми повторяемыхъ *приличія ради*,—п что такому приличію мѣсто на паркетѣ салоновъ, а не на широкой аренѣ литературы.

Оговорясь такимъ образомъ напередъ, я могу прямо перейти къ дѣлу.

Съ точки зрѣнія исторической критики ¹⁾, всякій вопросъ долженъ быть изслѣдованъ *ab ovo*, схваченъ съ минуты его зачатія, но, конечно, не такъ, какъ дѣлывалось это въ статьяхъ нашихъ журналовъ отъ 1838 до 1846 года, когда *всю* старую литературу подымали, говоря о какомъ-нибудь писателѣ, и вслѣдствіе этого впадали въ безпрестанныя и пеминуемые повторенія. Простѣйшій способъ историческаго изложенія вопроса будетъ, кажется, вотъ какой: 1) представить первоначальный синтезисъ, т.-е., проще говоря—видъ вопроса, то положеніе, въ которомъ вопросъ въ настоящую минуту находится, и въ какомъ онъ представляется взгляду, однимъ словомъ—выйти прямо изъ настоящаго. 2) При этомъ обозначатся различныя стороны вопроса, преимущественно тѣ, которыхъ разсмотрѣніе важно въ настоящую минуту, а и изъ такихъ сторонъ усмотрится связь вопроса со всѣмъ ему иредшествовавшимъ. 3) Разсмотрѣнный со всѣхъ таковыхъ сторонъ, и,

¹⁾ Подъ „исторической критикой“ Григорьевъ разумѣлъ преимущественно критику Бѣлинскаго. Свой взглядъ на „историческую критику“ Бѣлинскаго, Григорьевъ высказалъ въ двухъ критическихъ обзорахъ: „Русская литература въ 1851 и 1852 гг.“, на которые онъ и ссылается въ дальнѣйшемъ (см. 9-й выпускъ настоящаго изданія).

посредствомъ опредѣленія связи съ предыдущимъ, поставленный на надлежащее мѣсто и въ надлежащемъ свѣтѣ, вопросъ опять является синтезомъ, но уже сознаннымъ, т.-е. является полнымъ, закругленнымъ, самостоятельнымъ цѣлымъ, — и долженъ быть рассмотрѣнъ въ тѣхъ его отличительныхъ чертахъ, которыя сами собою обозначаются при анализѣ.

Такъ поступаю и я въ отношеніи къ предмету предлагаемой статьи. Но прежде, чѣмъ приступлю къ моему изложенію, считаю долгомъ предупредить читателя, что весьма часто принужденъ буду ссылаться на прежнія двѣ статьи мои о движеніи и ходѣ литературы въ 1851 и въ 1852 году, иногда просто повторяя, иногда разъясняя и пополняя высказанныя въ нихъ мысли, — ибо нынѣ предложенная статья есть не что иное, какъ историческій выводъ изъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ основаны вышеупомянутыя — и составляетъ вмѣстѣ съ ними одно нераздѣльное цѣлое, которому самымъ приличнымъ названіемъ считаю я слѣдующее: „*Настоящая минута въ литературѣ*“.

I.

ОВОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Островскаго и отношеній къ ней критики.

Дѣятельность Островскаго начинается собственно съ 1847 года; вотъ все до сихъ поръ ¹⁾ имъ написанное, въ хронологическомъ порядкѣ:

1) *Сцены изъ замоскворѣцкой жизни*, 1847 г. — напечатаны въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ — журналѣ, издававшемся только годъ. Тутъ же, между прочимъ, появилась одна сцена изъ комедіи „Свои люди — сочтемся“, посившей тогда названіе „Банкрутъ“.

2) *Очерки Замоскворѣчья* — небольшой рассказъ, — въ томъ же году, въ томъ же журналѣ.

3) *Свои люди — сочтемся* — комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, — въ Москвитянинѣ 1850 года.

4) *Утро молодого человека*, сцены; въ Москвитянинѣ 1850 года.

5) *Неожиданный случай*, сцены въ альманахѣ *Комета* — 1851 года.

¹⁾ Т.-е. до 1855 года, когда написана данная статья.

6) *Будная невеста*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ,—въ Москвитянинѣ 1852 года.

7) *Не въ свои сани не садись*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ;—въ Москвитянинѣ 1853 года.

8) *Будность не порокъ*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ;—напечатана отдѣльно въ 1854 году.

9) *Не такъ живи, какъ хочется*,—драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Играна на театрѣ въ концѣ прошлаго года.

Самое первое изъ этихъ, исчисленныхъ нами, большихъ и небольшихъ, болѣе или менѣе удачныхъ, но каждое въ своемъ родѣ оригинальныхъ произведеній,—носило на себѣ яркую печать самобытности таланта, выражавшейся, во-1) въ новости быта, выводимаго авторомъ и до него еще не початаго,—если исключить нѣкоторые очерки Вельтмана и Луганскаго, очерки, набросанные, такъ сказать, вскользь, мимоходомъ, во-2) въ новости отношенія автора къ изображаемому имъ быту и выводимымъ лицамъ, въ 3) въ новости манеры изображенія, въ 4) въ новости языка,—въ его цвѣтистости, особенности. Изъ всего этого новаго, что съ первой минуты своего появленія въ литературу приносилъ съ собою молодой поэтъ, критика въ состояніи была,—да и теперь еще находится,—понять только новостъ изображаемаго имъ быта. „Сцены“, которыя, относительно оконченности отдѣлки, представляютъ едва ли не совершеннѣйшее произведеніе ихъ автора—прошли почти что незамѣченныя: и не мудрено! онѣ едва-ли составятъ печатный листъ. Еще менѣе замѣчена была новостъ взгляда автора въ маленькомъ разсказѣ „Очерки Замоскворѣчья“—единственномъ произведеніи, вылившемся у него не въ драматической формѣ. Появленіе комедій: „Свои люди—сочтемся“—какъ слишкомъ рельефной, слишкомъ яркой—надѣлало много шума; но весьма странно, что оно не вызвало ни одной дѣльной критической статьи. Комедія только изумила критику,—и комическое отношеніе критики къ комедіи изображено весьма остроумными, хотя нѣсколько рѣзкими чертами въ извѣстной шуткѣ Эраста Благодирова¹⁾! Но, какъ ни недоумѣвала критика, а все-таки, пораженная и комедіей и общественнымъ о ней мнѣніемъ, не могла рѣшить вопроса иначе, какъ такъ, что явился талантъ сильный, свѣжій... и наиболѣе близкій

¹⁾ Псевдонимъ Б. Н. Алмазова, сотрудникъ и члена „молодой редакціи Москвитянина“, помѣщавшаго тамъ свои остроумные пародіи и эпиграммы; см. ниже, въ слѣдующей статьѣ, стр. 49.

къ таланту, нынѣ снѣщему къ могилѣ;—къ таланту первенствовавшему тогда по всеѣмъ правамъ. Бѣдная критика! вотъ въ этомъ-то она и ошиблась,—въ этомъ-то таился тогда и обнаруживается теперь источникъ ея недоразумѣній. Съ этого-то пункта и начинается настоящая *исторія* новаго явленія въ литературѣ.

„Новое слово“ — выраженіе, отъ котораго авторъ сей статьи всего менѣе, конечно, способенъ отрекаться, не смотря на глумленія, которыя пройдутъ, если уже не прошли ¹⁾),—„новое слово“ ускользнуло отъ опредѣленія старой критики, а теперь уже такъ далеко отъ нея, что она его и видитъ—да „зубъ нейметъ“, какъ говорится. Комедію „Свои люди—сочтемся“ еще можно было какъ-нибудь, съ великимъ, правда, натяжками, связать съ мудрыми заключеніями критики обо всемъ предшествовавшемъ въ литературѣ, и съ еще болѣе мудрыми гаданіями ея на счетъ будущаго: все послѣдующее такъ явно отдѣлилось отъ этихъ заключеній, что поневолѣ должно было разсердить критику, задѣть самыя больныя ея мѣста, коснуться самыхъ ветхихъ ея построекъ, на которыя вѣтеръ дунъ хорошенько, такъ онѣ упадутъ.

И критика стала въ очевидно комическое положеніе къ новому явленію. Явилась „Бѣдная невѣста“—а она ждала совсѣмъ не того послѣ комедіи „Свои люди—сочтемся“. Еще прежде Островскій разсердилъ критику отсутствіемъ желчи, рѣзкости въ опредѣленіяхъ линій, наивностью манеры въ граціозныхъ сценкахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Неожиданнаго случая“, сценкахъ,—говоря *par parenthèse*—гораздо болѣе тонкихъ, чѣмъ многія прославленныя критикою тонкости; но съ появленія „Бѣдной невѣсты“ критика положительно начинаетъ сердиться на лица, выводимыя поэтомъ. Буквально такъ! Ни въ одной статьѣ, писанной въ журналахъ по поводу той или другой драмы Островскаго, вы не встрѣтите и въ поминѣ вопросовъ художественныхъ. Критика постоянно сердится на лица, на манеру отношеній автора къ изображаемому имъ быту, т.-е. на самый бытъ, растворяющій передъ нею свои широкія, гостепріимныя двери; постоянно становится то въ положеніе Мерича или даже Милашина,—то въ положеніе Виктора Аркадыча Вихорева и жены Маломальскаго, или тетушки, набравшейся въ Таганкѣ образованія,—то въ положеніе Гордѣя

¹⁾ „Новымъ словомъ“ въ русской литературѣ назвалъ произведенія Островскаго самъ Григорьевъ; это выраженіе было подхвачено враждебной критикой и долго вызывало насмѣшки въ полемическихъ статьяхъ. *Примѣч. В. С.*

Карпыча Тордова. Съ ихъ точки зрѣнія она смотритъ, съ ихъ точки зрѣнія выпитъ Хорькова въ неблагородствѣ поступковъ; Русакова и Бородкина хочеть увѣрить, что они не могутъ существовать; въ Любимѣ Торцовѣ не видитъ ничего кромѣ пьянства; Любовь Гордѣвиу упрекаетъ въ отсутствіи личности; Митю производитъ въ юродивые. Дѣло въ томъ, однимъ словомъ, что критика постоянно сердится, обижается, вламывается въ амбицію. Явленіе чрезвычайно важное, поучительное и, какъ, вѣроятно, читатели видятъ сами, совершенно несомнѣнное. Оно-то и поведетъ насъ къ вопросамъ, возникающимъ изъ драмъ Островскаго — вопросамъ въ высшей степени достойнымъ того, чтобы попытаться поискать ихъ разрѣшенія.

За что же сердится и обижается критика, — что оскорбляетъ ее въ произведеніяхъ Островскаго? Чтобы постепенно добраться до основаній ея раздраженнаго чувства, начнемъ съ перечисленія признаковъ ея явно болѣзненнаго состоянія, т.-е. перечисленія тѣхъ лицъ или положеній въ драмахъ Островскаго, па которыя она сердится.

1) „Неожиданный случай“ встрѣтила она насмѣшками п пародіями за безцвѣтность, по ея мнѣнію, выведенныхъ характеровъ, за слабость пружинъ, двигающихъ ихъ отношенія между собою, за ничтожность самаго узла, завязавшаго эти отношенія, т.-е. — въ переводѣ на прямой языкъ, — осердилась на то, что отношенія, сами по себѣ легкія, поэтъ очеркнулъ легко, характеры безосновные пзобразилъ въ ихъ безосновности — не выдумалъ гиперболическаго узла, не отнесся съ ядовитою насмѣшкою къ такимъ беззлобнымъ п невиннымъ существамъ, какъ Розовый и Дружнинъ. Пародія, явившаяся на этотъ легкій п граціозный очеркъ, которому, впрочемъ, ни авторъ, ни мы не придаемъ большого значенія, — выставила ясно, какой грубости и рѣзкости представленія требуетъ критика, — замѣтите, та самая критика, которая ни слова не говорила о ничтожности характеровъ, безосновности завязокъ и пустотѣ содержанія различныхъ великосвѣтскихъ пословицъ, въ драматической формѣ, — та самая критика, которая восхищается необычайною тонкостью пословицъ А. де Мюссе, легкостью его очерковъ!

2) „Бѣдная невѣста“ разсердила критику, во-первыхъ, тѣмъ, что Меричъ — неизвѣстно какого званія; во-вторыхъ, тѣмъ, что у Марьи Андреевны нѣтъ характера; въ-третьихъ, тѣмъ, что

Хорьковъ поступаетъ неблагородно, передавая любовныя письма Мерича; въ-четвертыхъ, тѣмъ, что выведено такое безцвѣтное лицо, какъ Милашинъ. Переведемъ опять на простой языкъ: критикѣ, очевидно, досадно было, что Меричъ лишень авторомъ тѣхъ чертъ, которыя—вставъ ихъ только—закроютъ отъ глазъ читателя его внутреннюю бѣдность и ничтожество и сдѣлаютъ его героемъ любой изъ унылыхъ повѣстей, оплакивающихъ судьбу несчастныхъ женскихъ натуръ, подавленныхъ грубою сферою быта. Критикѣ досадно было на Марью Андреевну, что грубость требованій окружающаго быта не будить въ ней, говоря любимыми словами критики, *протеста*, что *протестъ* не обращается въ ея натурѣ въ нѣчто постоянное. Критикѣ досадно было, что въ Хорьковѣ нѣтъ той ложной деликатности, которая позволить скорѣе видѣть гибель любимаго существа, нежели нарушить условныя приличія. Критикѣ, наконецъ, больно было разоблаченіе всей безцвѣтной ничтожности натуръ, подобныхъ натурѣ Милашина.

3) Комедія: „Не въ свои сани не садись“—своимъ огромнымъ сценическимъ успѣхомъ опять ошеломила критику. Долго не рѣшалась она высказать своего негодованія на существованіе Русакова и Бородкина, и только въ недавнее время объявила комедію слабою, лица Бородкина и Русакова невозможными, съ оговоркою на счетъ „Бѣдной невѣсты“, какъ прозведенія несравненно болѣе замѣчательнаго; такъ говорила критика въ томъ же самомъ журналѣ, гдѣ хвалилась, какъ нельзя больше, комедія „Не въ свои сани не садись“ и порицалась, осмѣивалась „Бѣдная невѣста“, вмѣстѣ съ „новымъ словомъ“—выраженіемъ автора сей статьи. Въ одной изъ газетъ своихъ, критика откровенно призналась, что новое слово точно есть, что она его видитъ въ комедіяхъ Островскаго, но что самое это новое слово ей не нравится ¹⁾).

4) „Бѣдность не порокъ“, самая смѣлая, хоть и не самая оконченная изъ драмъ Островскаго, не могла не разсердить критику, находящуюся въ совершенно болѣзненномъ положеніи—и за Гордѣя Карпыча и за Любима Торцова. Гордѣй Карпычъ—каковъ онъ ни-на-есть—все-таки представитель стремленій выйти изъ *грубаго* и непонятнаго критикѣ быта. Любимъ Карпычъ въ глазахъ критики только пьянпца и ничего больше. Его стремленій выйти

¹⁾ Полемиическіе выпады Григорьева направлены главнымъ образомъ противъ Дудышкина, помѣстившаго въ „Отечеств. Запискахъ“ нѣсколько статей о прозведеніяхъ Островскаго.

изъ „метеорскаго“ званія, войти снова въ семью, имѣть честный кусокъ хлѣба, его раскаянія, его порывовъ—критика не могла оцѣнить: трагическая сторона его положенія отъ нея ускользнула. На Митю критика осердилась за то, что Богъ создалъ его съ даровитою, нѣжною и простой душою,—Любовь Гордѣвну опять обвинила за отсутствіе личности, какъ прежде Марью Андреевну. На второй актъ комедіи осердилась критика за то, что авторъ безъ церемоніи ввелъ публику въ самый центръ нравовъ, обычаевъ, веселья того быта, который онъ изображаетъ.

5) Послѣдняя драма Островскаго¹⁾, еще болѣе смѣлая по мысли, широкая по содержанію, новая по характеристамъ, и еще болѣе небрежная по формамъ, или, лучше сказать, пренебрегающая формами, извѣстна критикѣ только по представленію,—но критика успѣла уже выразить свое неудовольствіе, успѣла уже вырвать изъ нея и недобросовѣстно изуродовать нѣсколько выраженій. Дѣло простое и понятное: новостъ драмъ Островскаго и въ особенности—смѣлая новостъ послѣдней его драмы, есть чувствительное оскорбленіе одряхлѣвшей критикѣ.

6) Вообще, наконецъ, критика начала изъявлять неудовольствіе на языкъ, или, по ея выраженію, на *жаргонъ*, которымъ писаны драмы Островскаго. Она, и въ самомъ дѣлѣ, наивно увѣрена, что языкъ въ комедіяхъ Островскаго,—мѣстный провинциализмъ, странность, которою, какъ говорятъ, поигралъ да и за щеку,—нѣчто въ родѣ *пейзанскаго жаргона*, употребляемаго, напримѣръ, Мольеромъ въ *Le Médecin malgré lui*, въ *Le Festin de Pierre* и другихъ пьесахъ. Чего-жъ бы хотѣла критика? Чтобы лица драмъ Островскаго говорили не языкомъ ихъ быта? Да вѣдь это противорѣчило бы эстетическимъ положеніямъ всякой критики, даже и той, съ которой мы въ настоящую минуту имѣемъ дѣло, да и Островскій притомъ—художникъ такого рода, которому типы, при ихъ созданіи, предстаютъ не иначе, какъ съ своимъ языкомъ каждый: иначе для него типъ и не мыслимъ.

7) Съ начинающимся неудовольствіемъ на *жаргонъ* драмъ Островскаго тѣсно связано неудовольствіе на самый бытъ, имъ изображаемый. Собственно, критика сама не знаетъ, чего она хочетъ. При появленіи „Бѣдной невѣсты“ раздались ея сѣтованія, что Островскій оставилъ бытъ, который онъ такъ мастерски изобра-

¹⁾ „Не такъ живи, какъ хочется“ (1854 г.).

жаетъ; теперь она вопіетъ на то, что этотъ бытъ говоритъ своимъ языкомъ, имѣетъ свои, ей невѣдомые, нравы, представляетъ свои типы, которые она не желала бы видѣть выводимыми, и въ несуществованіи которыхъ она такъ жарко хотѣла бы убѣдить и себя и другихъ. Солопъ ей этотъ бытъ, солопъ его языкъ, солоны его типы—солоны по ея собственному сознанию. Вотъ и вся разгадка. Нѣтъ критики дѣла ни до какихъ эстетическихъ вопросовъ. Найдите хоть въ одной статьѣ ея указанія на эстетическіе промахи автора. Ихъ нѣтъ положительно,—или такія указанія встрѣчаются только въ статьяхъ нашего журнала.

„Новое слово!“—употребляю теперь съ нѣкоторою гордостью это выраженіе, высокопарность котораго выкуплена легкомысленнымъ пли недобросовѣстнымъ посмѣяніемъ, которому оно подверглось,—вотъ коренная, основная причина негодования старой критики на писателя, которому, по всему праву, по общему признанію массы, принадлежитъ, не смотря на его недавнее появленіе, не смотря на нѣкоторые недостатки,—несомнѣнное первенство въ современной литературѣ.

Съ 1847 до 1855 года, Островскій написалъ всего только 9 произведеній, и изъ нихъ только *пять* значительныхъ по объему и *шесть* по содержанію, только *четыре* изъ нихъ даются на театрѣ,—но эти *четыре*, безъ церемоніи говоря, создали народный театръ—частію создали, частію выдвинули впередъ артистовъ, пробудили общее сочувствіе *всѣхъ* классовъ общества, измѣнили во многихъ взглядъ на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованія мы не подозрѣвали и которые, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, существуютъ,—съ отношеніями въ высшей степени новыми, драматическими, съ многоразличными сторонами русской души, и глубокими, и трогательными, и нѣжными, и разгульными,—сторонами, до которыхъ никто еще не касался. Право гражданства литературнаго получило множество яркихъ, опредѣленныхъ образовъ, новыхъ живыхъ созданій въ мірѣ искусства—и все это прошло безъ урока для критики. Талантъ уже породилъ толпу подражателей, и грубыя подражанія нечатались въ ея журналахъ,—а она продолжала глумиться надъ новымъ словомъ таланта!

Таково положеніе вопроса о новомъ явленіи. Что же именно есть въ немъ такого новаго, что не принимается критикою?—ибо вопросъ, что она враждуетъ не во имя эстетическихъ положеній,

мы считаемъ рѣшеннымъ. Новы въ талантѣ Островскаго, какъ во всякомъ самобытномъ талантѣ,—содержаніе и форма. Подъ содержаніемъ разумѣю я: 1) общее отношеніе поэта къ жизни, его міросозерцаніе; 2) типы, имъ создаваемые, и манеру ихъ изображенія. Подъ формою: 1) самобытность постройки произведеній, и 2) особенность языка. По этимъ категоріямъ и слѣдовало бы рассмотретьъ вопросъ о талантѣ Островскаго безотносительно: но, чтобы нагляднѣе и яснѣе представить дѣло, должно употребить нѣсколько окольный путь, начать *ad ovo*. „Новое слово“ Островскаго есть самое старое слово—народность: новое отношеніе его есть только прямое, чистое, непосредственное отношеніе къ жизни,—и поэтому должно: 1) въ краткомъ очеркѣ представить различныя отношенія литературы нашей къ народности, и 2) въ такомъ же схватить предшествовавшее отношеніе литературы къ жизни вообще. Тогда дѣло обозначится само собою, и отдѣливши, отграничивши его, поставивши на особое, ему принадлежащее, мѣсто, можно будетъ опредѣлить его безотносительное значеніе.

II.

ОБОЗРѢНІЕ ОТНОШЕНІЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАШЕЙ КЪ НАРОДНОСТИ.

Прежде всего мы должны точнѣе опредѣлить смыслъ, въ которомъ принимаемъ слово: народность литературы. Какъ подъ именемъ народа разумѣется народъ въ обширномъ смыслѣ и народъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ равномѣрно и подъ народностью литературы. Подъ именемъ народа въ обширномъ смыслѣ разумѣется цѣлая народная личность, собирательное лицо, слагающееся изъ чертъ всѣхъ классовъ народа, высшихъ и низшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ; слагающееся не механически, а органически; носящее общую, типическую характерную фізіономію физическую и нравственную, отличающую его отъ другихъ подобныхъ ему собирательныхъ лицъ. Подъ именемъ народа въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется та часть его, которая наиболѣе, сравнительно съ другими, находится въ непосредственномъ, неразвитомъ состояніи. Литература бываетъ народна въ первомъ смыслѣ, когда она въ своемъ міросозерцаніи отражаетъ взглядъ на жизнь, свойственный всему народу, опредѣлившійся только съ ббльшею точностью, полнотою п, такъ-сказать, худо-

жественностью въ передовыхъ его слояхъ: въ типахъ — разнообразныя, но общедоступныя типы народнаго образа; въ формахъ — красоту по народному понятію, выработавшемуся до художественности; въ языкѣ — языкъ народа, развившійся на основаніи его коренныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ. Въ тѣсномъ смыслѣ литература бываетъ народна, когда она или 1) приурочивается къ взгляду, понятіямъ и вкусамъ неразвитой массы, для воспитанія ея, или 2) изучаетъ эту массу какъ *terram incognitam*, ея нравы и понятія какъ нѣчто чудное, ознакомливая съ ними развитые и, можетъ быть, пресытившіеся развитіемъ слои. Во всякомъ случаѣ, въ томъ или другомъ — существованію такой литературы предпосылается историческій фактъ разрозненности въ народѣ. Перваго рода народность есть то, что на точномъ, хотя бѣдномъ языкѣ цивилизаціи, зовется *nationalité*; второго рода то, что на ономъ же, въ неслишкомъ давнія времена, получило опредѣленный терминъ *popularité, littérature populaire*. Въ первомъ смыслѣ народность литературы, какъ національность, является понятіемъ безусловнымъ, въ природѣ лежащимъ, во второмъ — относительнымъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ болѣзненному факту, и притомъ вовсе не художествомъ, которое прежде всего свободно и есть само себѣ цѣль.

Въ какомъ же смыслѣ должно быть принято заглавіе этого отдѣла предлагаемой читателямъ статьи? Безъ всякаго сомнѣнія, въ первомъ, т. е. авторъ намѣренъ въ общемъ очеркѣ представить различныя отношенія нашей литературы къ народности, какъ національности. — Второе, тѣсное понятіе намъ совѣмъ и не нужно, во-первыхъ, потому, что нѣтъ существенной разрозненности въ живомъ, свѣжемъ и органическомъ тѣлѣ народа; а во-вторыхъ, и потому, что въ этомъ смыслѣ литература перестаетъ быть художествомъ, а становится педагогикой или естественной исторіей. Фактъ, что художество въ наше время преимущественно ищетъ типовъ, или, лучше сказать, воспроизводитъ типы изъ міра въ тѣсномъ смыслѣ народнаго, показываетъ только то, что въ этомъ мірѣ цѣльнѣе удерживаются и яснѣе обозначаются типы общей, родовой національности, которой существенныя, коренныя черты одинаково общи всѣмъ слоямъ, что свидѣтельствуется явно живымъ сочувствіемъ всѣхъ слоевъ къ этимъ существеннымъ чертамъ, признакамъ племеннаго единства, кровнаго родства, опредѣленной и связующей всѣхъ во-едино народности.

Къ этой-то народности мы и рассмотримъ различныя прошедшія и настоящія отношенія литературы.

Но прежде всего невольно рождается, самъ собою задается вопросъ: когда мы говоримъ о литературѣ греческой, англійской, итальянской, испанской, даже нѣмецкой и французской—приходить ли намъ въ голову спросить—народные ли поэты: Гомеръ и Софокль, Шекспиръ и Байронъ, Дантъ и Аріостъ, Лопе де-Вега и Кальдеронъ, Гёте и Шиллеръ, даже Расинъ, Мольеръ, Беранже?.. Отчего же, напротивъ, какъ только мы беремся за кого-либо изъ нашихъ поэтовъ, первый вопросъ, который рождается, есть вопросъ о томъ: народенъ ли онъ и въ какой степени народенъ, т.-е. націоналенъ? Что за тревожное исканіе своей народности? и есть ли ему основанія? и что оно свидѣтельствуетъ? Съ другой стороны, при самомъ небольшомъ знакомствѣ съ огромнѣйшею массою, не скажу литературы, но письменности духовной и гражданской, самобытной и переводной, лѣтописной, государственной, нравственной и поучительной, отъ Нестора и Слова о полку Игоревѣ до политическихъ умозрѣній Посошкова, какая осталась намъ отъ міра мудрыхъ и доблестныхъ предковъ,—при маломъ же знакомствѣ съ устною, не-письменною литературою, возникнетъ ли вопросъ о томъ, народна ли она?.. И въ-третьихъ, наконецъ: какія мысли, понятія и какой языкъ лучше пойметъ умомъ и чувствомъ русскій человѣкъ: тѣ ли и тотъ ли, которые онъ встрѣтитъ, раскрывши, примѣрно, книгу Посошкова, или же тѣ, которые попадутся ему въ какомъ-либо изъ нашихъ многихъ писателей прошлаго и даже нынѣшняго вѣка, хоть изъ тѣхъ, которые преимущественно занимаются естественною исторіею народа и подмѣчиваніемъ чуднаго? Вопросъ странный только на первый взглядъ, и странность его уничтожится другимъ вопросомъ: что нѣмецъ, самый, положимъ, неразвитой и необразованный, пойметъ и умомъ и чувствомъ лучше: Гёте ли, или какую-нибудь поэму о Титурелѣ, въ которой онъ ни языка, ни чувствъ не понимаетъ совсѣмъ?

Но вопросы могутъ быть разрѣшены только фактами. Передъ нами два несомнѣнныхъ факта.

1) Есть у насъ огромная масса письменности, которая отдѣлена отъ насъ столѣтіями и которой языкъ, однако, всѣмъ безъ исключенія русскимъ людямъ понятенъ во всѣхъ столѣтіяхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ обветшалыхъ словъ и синтакси-

ческих построекъ; течеть онъ совершенно свободно, то во всей простотѣ разговорной рѣчи народа, то возвышаясь до религіозной торжественности, или до высокаго государственнаго паеоса. «А что *сказывашь*»—пишетъ великій князь Василій Васильевичъ въ одной договорной грамотѣ съ Юрьемъ Дмитриевичемъ—«заянля еси у гостей у суконниковъ шесть сотъ рублевъ, да заплатилъ еси, *сказывашь* мой долгъ ординской Резепъ Хозъ, да Абину въ кабалы, и на кабалахъ, *сказывашь*, то серебро еси подписалъ,— и мнѣ съ тобѣ тотъ долгъ шесть сотъ рублевъ сняти; а съ тѣми гостями вѣдатися мнѣ опрочъ тобѣ самому, а тобѣ мнѣ тѣхъ сказати, у кого есь займоваль».—Чья эта рѣчь и кому она непонятна?.. Но это еще рѣчь XV столѣтія: возьмите подальше, поглубже въ древность. Да позволено будетъ мнѣ, въ поясненіе факта, хотя и несомнѣннаго, привести начало и конецъ описанія лѣта 6619 изъ Ипатьевской лѣтописи, гдѣ русскій человекъ, и тогдашній и теперешній, весь—съ его религіозными и государственными понятіями, съ его языкомъ, даже, къ удивленію читателя, съ его характеристическими приѣмами, привычками, движеніями ¹⁾).

«Въ лѣто 6619. Вложп Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати къ брату своему Святополку, понужая его на поганья, на весну. Святополкъ же повѣда дружинѣ своей рѣчь Володимерю: они же рѣкоша: не время нынѣ погубити смерьды отъ ролюю. И посла Святополкъ къ Володимерю, глаголя: *да быхомъ ся сняли и о томъ подумали быхомъ съ дружиною*. Посланіи же придоша къ Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчу, и приде Володимеръ и срѣтостася на Долобскѣ и сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ со своею дружиною и Володимеръ со своею. И *бывшу молчанью* ²⁾), и рѣче Володимеръ: *брате! ты еси стартій*; почни глаголати, какъ быхомъ промыслили о Русьской земли. И рѣче Святополкъ: *брате! ты почни*. И рѣче Володимеръ:

¹⁾ Это одно изъ мѣстъ, наиболѣе подтверждающихъ блистательную, хотя простую какъ Колумбово яйцо, догадку о великорусскомъ началѣ во всей древности и на югѣ Руси, куда уже послѣ иривзошло другое начало и въ языкъ, и въ нравы, и въ народную фізіономію.

Примѣч. А. Григорьева.

²⁾ Черта драгоцѣнная, какъ и все послѣдующее, въ отношеніи къ вѣрности народной великорусской фізіономіи. Сперва помолчали, какъ слѣдственно, потомъ отговариваются говорить первые. Самый приѣмъ рѣчи Мономаха чисто великорусскій. Точно какъ ихъ видшь передъ собою—такъ они тутъ живы!

Примѣч. А. Григорьева.

„како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя рекуще: хочешь погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сею не помышляюще, еже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадыю тою,—и прїѣхавъ Половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту, и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть; то о семъ чему не мыслите?» И рѣкоша вся дружина: право воистину тако есть. И рѣче Святополкъ: „се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою“, и посласта ко Давыдови Святославичу, велючи ему съ собою. И вѣставъ Володимеръ и Святополкъ и цѣловастася и поидоста на Половцѣ...“

„И побѣша я въ понедеѣльникъ страстный, мѣсяца марта въ к'з день,—избѣени быша иноплеменницѣ многое множество на рѣцѣ Салницѣ, и спасе Богъ люди своя. Святополкъ же, и Володимеръ, и Давыдъ прославиша Бога, давшего имъ побѣду такую на поганья, и взяша полона много и скоты, и кони, и овцѣ, колодниковъ много изымаша рукама. И въпросиша колодникъ, глаголюще: како васъ толика сила и многое множество, не могостеся противити, но въскорѣ побѣгосте? Си же отвѣщеваху, глаголюще ¹⁾: како можемъ битися съ вами? а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ. *Токмо се суть ангели, отъ Бога посланы помогать крестьяномъ*».

Какая страница—даже Карамзина, Карамзина, котораго имя съ благоговѣпіемъ долженъ произносить русскій человекъ, сравнится съ этою безыскусственною, но характеристическою страницей? И что можетъ быть народнѣе—такъ-сказать руссѣе? Отъ чувства до языка, отъ мыслей до движеній—здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Позвольте напомнить также нѣсколько высоко-краснорѣчивыхъ или умилительныхъ мѣстъ грамоты, которую звали на царство Михаила Феодоровича Романова:

„И великое Россійское царство, по злой его вражьей прелести (Гришкиной), яко море восколебася, и неистовые глаголы, яко свирѣпныя волны, возшумѣша, и неукротимо и ненаправляемо, аще и кормчіи мудріи бѣша, но ярость моря ихъ повреди, и суетну мудрость ихъ сотвори, и во своя стремленія все обрати...“

¹⁾ Припомнимъ письмо экзарха Грузіи и рассказы турецкихъ плѣнныхъ. Русь все та же, и тѣ же у нея защитники и вступники.

„А Россійское царство вдовствуетъ, и отечество ихъ царское сиротствуетъ, и пресвѣтлый ихъ превысочайшій царскій престолъ плачетъ, сѣдящаго на себѣ царствующаго не имѣя, земля же вся малая съ великими и съ сущими младенцы безчисленнымъ плачемъ вопіють, что ими людьми Божьими промышлять не кому...“

Едва ли рѣчь можетъ быть величавѣе, умилительнѣе и художественнѣе. Какая сила и простота краснорѣчія! Или вотъ изъ сей же грамоты мѣсто о конечномъ разореніи Московскаго государства:

„Они жь, злодѣи, ни мало на то великаго святѣйшаго Ермогена, патріарха Московскаго и всея Руссіи, обличеніе преклоншеса, ни страха Божія боящеса, ни страшнаго Христова пришествія судити и воздавати комуждо по дѣломъ его чающе, наипаче на всякое зло начаше простиратися: царствующій же градъ Москву во всемъ Россійскомъ царствѣ и *мать градовомъ*, деревянной и каменной большой городъ выжгли и высѣкли не крестьянскимъ обычаемъ, и церкви Божіи, въ которыхъ изъ давнихъ лѣтъ славилось имя Божіе и за весь міръ жертва Богу приносилась, и монастыри осквернили и разорили, многоцѣлебныя мощи великихъ Московскихъ Чудотворцевъ обругали, и образы и чудотворцевы раки обдпрали и ломали, и всякое оскверненіе и поруганіе нашей православной крестьянской вѣрѣ Греческаго закона почиили, и дерзосердаго страдальца, великаго святѣйшаго Гермогена, патріарха Московскаго и всей Руссіи, непобѣдимаго, крѣпкаго въ православіи столпа, и новаго во святыхъ проповѣдника и непобѣдимаго поборника по нашей истинной православной вѣрѣ Греческаго закона, съ великимъ безчестіемъ съ престола свергли и изъ святительскаго престола обнажили, и въ заточеніе посадя, мучительскою смертью не крестьянски уморили; а священнически и иночески чинъ, и бояръ князя Андрея Васильевича Голицына, и иныхъ бояръ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей, и гостей, и торговыхъ, и жилецкихъ, и всякихъ, и простыхъ людей безчисленное христіанское множество, мужеска пола и женска, и несовершеннолетнихъ младенцевъ побили мучительски, и кровь многую христіанскую по всему царствующему граду Москвѣ невинно пролили; и царскую казну, многое собранье изъ давнихъ лѣтъ прежнихъ великихъ государей нашихъ, царей Россійскихъ, и ихъ царскія утвари, царскія шапки и коруны, и ихъ

царское всякое достоянѣе, и чудотворные образы къ Жигимонту королю отослали, а достальную царскую казну, въ церквахъ Божіихъ и въ монастыряхъ, и въ домѣхъ, и въ лавкахъ, и въ погребяхъ, многія неисчетныя богатства московскихъ всякихъ людей пограбля, по себѣ раздѣлили...

„И видя такому великому и преславному московскому государству, отъ Жигимонта, короля Польскаго, и отъ его Польскихъ и Литовскихъ людей, конечное разореніе и православной христіанской вѣрѣ поруганіе, и святымъ мѣстомъ оскверненіе, кто не восплачетъ и не возрыдаетъ! *Превыше бо бысть сіе зло виблѣмскаго плача, отъ беззаконнаго дѣтоубійца Ирода: тамо бо младенцы токмо убійственными закалахуся дланьми, здѣ же престарѣвшіеся и сѣдинами цвѣтуции, и въ возрастъ приходяци юноши, и жены честнообразны, и отроковицы нетлѣнны, и младенцы безрѣшны, вкупѣ отъ Ляховъ и отъ германскаго роду раздробляхуся и закалахуся: рыданіе же повсюду и плачь велеласень на аерѣ восходитъ, и горы убо супротивъ плачуцимъ возлагаху, брени же волнами супротивъ шумяху; и бысть громъ по всему граду всемертвенный...*“

Безыскусственное краснорѣчіе правды возвышается здѣсь до такой патетической силы, которой что-либо равное можно найти развѣ только въ послѣднихъ томахъ Карамзинской „Исторіи“ или Пушкинскаго „Бориса“. Едва только окунетесь вы, хоть немного, въ море этой огромной письменности, вы почувствуете, что она освѣжаетъ, отрезвляетъ васъ, отзывается на всѣ ваши вопросы, религіозные, моральные, общественные,—отзывается самобытно, иногда слишкомъ просто, но всегда такъ, что простота отзывовъ наводитъ васъ на новыя соображенія. Сомнѣній нѣтъ, что она, эта письменность, отдѣленная отъ насъ вѣками, болѣе по нашему, по-народному, отзывается на наши стремленія, чѣмъ литература прошлаго вѣка и большая часть произведеній литературы современной; сомнѣній нѣтъ, наиримѣръ, что проповѣдь Кирилла Туровскаго и художественностью, и самобытностью недосягаемо выше проповѣди Теофана Прокоповича, что только въ произведеніяхъ двухъ современныхъ витій найдутся образцы равные ей, этой проповѣди XII столѣтія, простотою и глубиною мысли, величіемъ и красотою слова. Сомнѣній нѣтъ, что безыскусственныя замѣчанія о странахъ чужеземныхъ какого-нибудь стольника Ивана Чемоданова, правившаго посольство во градѣ Виницеѣ—умнѣе

и дѣльнѣе замѣчаній современныхъ туристовъ,—сомнѣній нѣтъ... Но мы думаемъ, что и такъ уже слишкомъ много наговорили о несомнѣнномъ фактѣ, что и такъ уже имѣютъ право многіе укорить насъ въ томъ, въ чемъ Курбскій укоряетъ Ивана IV, въ началѣ одного своего посланія... А „Домострой“ и Посошковъ? А масса литературы устной, масса огромная, живая, свѣжая?..

Перейдемъ къ другому факту...

II) Другой фактъ, не менѣе перваго несомнѣнный—тотъ, что съ начала XVIII столѣтія и до нашихъ временъ мы имѣемъ, какъ иисьменность вообще, такъ литературу въ частности—количественно огромную же, но которой значительная часть потеряла для насъ всякій другой интересъ, кромѣ историческаго; еще болѣе значительная не имѣетъ даже и этого интереса и отошла только въ область библіографіи; наконецъ, весьма небольшая, сравнительно, еще жива и свѣжа для насъ доселѣ... Особенно назидательно въ этомъ фактѣ то, что явленія, по времени къ намъ болѣе близкія, стали намъ несравненно болѣе чужды, нежели отдаленнѣйшія. Сомнѣній нѣтъ, что, напримѣръ, литературная дѣятельность Полевого и Кукольника—гораздо болѣе чужда намъ и гораздо болѣе утратила для насъ свѣжести, жизненности, чѣмъ дѣятельность Карамзина и Батюшкова (сопоставляемъ эти имена съ предшествовавшими вовсе не для сравненія: обороны насъ, Боже!), что, забывши нравоописательные романы г. Булгарина, мы съ участіемъ и интересомъ будемъ читать Новиковскаго „Живописца“ и даже нравоописательные очерки Сумарокова: сомнѣній нѣтъ, что языкъ Сумарокова и Новикова—изящнѣе, проще и живѣе языка критическихъ статей нашихъ журналовъ. Наконецъ, что за повтореніе одного общаго явленія мы видимъ въ дѣятельности всѣхъ писателей нашихъ, имѣющихъ на литературу сильное вліяніе? Образъ мыслей и чувствованій, равно какъ и языкъ Карамзина, мужая съ лѣтами и съ его „Исторією“, все болѣе и болѣе приближается къ языку старыхъ памятниковъ. Образъ мыслей и чувствованій Пушкина, который и въ молодые годы свои совѣтовалъ нашимъ журналистамъ учиться языку у московскихъ просвиренъ, равно какъ и языкъ его, созрѣвая, сходятся въ величавости съ мышленіемъ и языкомъ старыхъ же памятниковъ, въ простотѣ—съ мышленіемъ и языкомъ народа: „Борисъ“ и „Капитанская Дочка“ равно объ этомъ свидѣлствуютъ. Послѣднія

произведенія Жуковскаго, хотя и чуждыя, какъ вся его дѣятельность, чисто-народнаго содержанія, представляетъ однако же въ формѣ своей то же самое; ибо послѣднее слово ихъ—есть освоеніе чужеземнаго въ совершенно самобытной русской формѣ. Гоголь постепенно высвобождается изъ-подъ вліянія малороссійской мѣстности. А начинаютъ всѣ эти писатели не такъ, начинаютъ всѣ подъ тѣми или другими вліяніями. Повсюду, однимъ словомъ, очевидно одно явленіе: тревожное исканіе своей народности и обрѣтеніе точки успокоенія въ возвратѣ къ старымъ памятникамъ, возвратѣ, который есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, не что иное, какъ погруженіе въ живую народную жизнь, въ живое народное воззрѣніе, въ живую народную рѣчь. Четыре великихъ писателя, нами упомянутыхъ, четыре представителя различныхъ эпохъ, болѣе или менѣе мучительною борьбою выкупили сознаніе самобытности; только одинъ изъ нихъ, гениальнѣйшій, владѣлъ инстинктомъ народности въ такой степени, что вышелъ изъ борьбы совершенно цѣлымъ, и только преждевременная смерть помѣшала ему совершить множество народныхъ созданій; другой, столь же гениальный, но съ гениальностью болѣе одностороннею, дошелъ до сознанія путемъ отрицательнымъ, но, измученный отрицаніемъ, перевелъ вопросъ за его естественныя границы—и палъ послѣднею жертвою той трагической мойры, которая тяготѣла, какъ опъ самъ замѣтилъ, надъ русскими поэтами. Но еще прежде этихъ представителей четырехъ эпохъ, которыхъ мы ближайшія дѣти или много внуки, литература наша представляетъ постоянное стремленіе къ сознанію народности. Это-то и разумѣетъ авторъ сей статьи подъ именемъ отношеній литературы къ народности, отношеній положительныхъ или отрицательныхъ—все равно. Обозрѣвши ихъ, хотя и въ краткихъ чертахъ, но всѣ—съ той минуты, какъ разорвалась непосредственная связь письменности съ народною жизнью, какъ литература, съ тѣми или съ другими понятіями, приступила къ народности, какъ къ предмету внѣ ея лежащему, мы увидимъ ясно, на какой точкѣ стоимъ мы теперь. Для насъ уяснится притомъ, даже и въ бѣгломъ очеркѣ—выше или ниже уровня самаго предмета стояло то, съ чѣмъ литература приступала къ предмету. Естественно, что мы схватимъ только существенныя стороны, наиболѣе рѣзкія отношенія.

Но прежде, чѣмъ пройдутъ передъ нами различныя такія отно-

шенія литературы къ народности, мы должны остановиться на минуту на явленіи, стоящемъ совершенно уединенно въ отношеніи къ послѣдующему,—на писателѣ, связанномъ языкомъ, образомъ воззрѣнія, чувствомъ—съ старобытною жизнію, но между тѣмъ исполненнымъ тревожнаго духа реформы, носившемъ ея потребности въ груди своей безсознательно, осмысливавшемъ по своему и на основаніи изстари завѣщанныхъ формъ свои тревожныя стремленія,—на писателѣ, который находится на грани двухъ письменностей, старо-русской и европейско-русской—на Посошковѣ. Мы возьмемъ его не какъ политико-эконома, не какъ политика вообще, а возьмемъ въ его отношеніяхъ къ народности, которыя всего лучше могутъ послужить исходною точкою для нашего обзрѣнія.

„При Петрѣ I“—замѣчаетъ весьма справедливо издатель его сочиненій ¹⁾, въ отвѣтъ на могущія возникнуть сомнѣнія о томъ, чтобы они могли принадлежать простолюдину,—„различіе между образованіемъ бояръ и простолюдиновъ не было такъ разительно, какъ нынѣ, ибо происходило изъ одного и того же источника“. Изъ этого источника, общаго всей старой Руси, выходитъ весь взглядъ Посошкова, одинаковый, стало быть, со взглядомъ Домостроя и другихъ, еще болѣе древнихъ памятниковъ. Но Посошковъ—сынъ своей эпохи, исполненной желанія улучшенія, потребностей болѣе разнообразныхъ, болѣе сложныхъ; Посошковъ не только не чуждъ нововведеній, но горячо хлопочетъ о множествѣ полезныхъ нововведеній, горячо сочувствуетъ Преобразователю. Даже въ языкъ его, простой, народный и чистый, какъ языкъ всѣхъ памятниковъ предшествовавшей эпохи, прокрадываются чужеземныя слова, совсѣмъ западныя (мизирный и т. д.), или польскія (пильно). Стало быть, однимъ словомъ, онъ смотритъ *сверху*, какъ многіе до реформы еще смотрѣли сверху; стало быть, о его *отношеніи* къ народности мы можемъ говорить. Но верхъ, съ котораго онъ смотритъ, его идеалы, во имя которыхъ онъ къ тому, другому или третьему относится положительно или отрицательно, взяты не извнѣ, а изъ самой полноты прошедшаго и настоящаго окружающей его жизни, или

¹⁾ М. П. Погодинъ, издавшій сочиненія Посошкова въ 1842 году и снабдившій ихъ своимъ предисловіемъ.

уклоняющейся отъ нихъ, или представляющей недостаточныя средства къ ихъ осуществленію: въ первомъ случаѣ, онъ относится увѣщательно и часто сатирически-увѣщательно; во второмъ поучительно, предлагая тѣ или другія мѣры, отрицательныя или положительныя. Когда онъ относится къ явленіямъ сатирически,—точно какъ будто вы повторяете ту или другую страницу „Мертвыхъ Душъ“:

„И въ художественныхъ мастерствахъ“—говоритъ онъ, напри- мѣръ—„весьма дѣется у насъ въ Россіи неисправно: въ началѣ, егда кой человѣкъ отдастся въ наученіе къ мастеру, и поставитъ срокъ, къ которому ему выучиться, и аще мастеръ *не скроется* и научитъ его скоро, *то онъ, не доживъ срока, и станетъ прочь отбиваться, и, отицедъ, станетъ дѣлать собою; и аще хуже мастераго станетъ дѣлать, то онъ цѣны сбавитъ, да и мастерство все погубитъ...*“

Право, вѣдь только-что не прибавлено: „и пошелъ ты ва- ляться по улицамъ, да приговаривать: нѣтъ житья русскому че- ловѣку!“

Вообще стоитъ только раскрыть Посошкова, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Дѣлать изъ него выписки и цитаты будетъ излишне: всякому слѣдуетъ съ нимъ покороче познакомиться, и стыдно тѣмъ, которые съ нимъ незнакомы, тѣмъ болѣе, что кромѣ типа русскаго человѣка, относящагося къ неправдѣ жизни съ юморомъ отрицанія, въ Посошковѣ—въ громадныхъ размѣрахъ является тотъ идеальный типъ, котораго существованіе такъ не понрави- лось многимъ въ лицѣ Русакова. Сторону сатирическую раскро- ютъ и безъ насъ въ Посошковѣ, даже прикрасятъ, пожалуй. Мы даже удивляемся, какъ до сихъ поръ ею мало пользовались: По- сошковъ—авторитетъ, который не подвергается такимъ основа- тельнымъ подозрѣніямъ, какъ авторитетъ бѣглаго дьяка Котоши- хина, на показаніяхъ котораго созидаются такія живописныя кар- тины варварства и невѣжества его эпохи,—и читая Посошкова, мы часто думаемъ о господахъ, живописующихъ такія картины, обращаясь къ нимъ съ словами Ноздрева Чичикову: „вотъ бы пища твоему сатирическому уму!“ У Посошкова и взглядъ трезвѣе и строже Котошихинскаго, и слова мѣтче, и юмора больше. „Я не знаю“—говоритъ онъ, напримѣръ, жалуясь на множество чело- битчиковъ, тѣснящихся въ канцеляріяхъ,—„*что въ томъ за краса,*

еже такъ въ канцелярію натѣснися, что до судьи и дойти не мочи“. О невѣжествѣ одного лица онъ говоритъ, напримѣръ, что „и Татаркѣ, противъ ея заданія, отвѣту здраваго дать не умѣлъ“, и т. д. Все это черты драгоцѣнныя для любителей сатирическаго, и такихъ чертъ въ Посошковѣ не оберешься. Но вопросъ,—изъ чего выходитъ такое воззрѣніе у Посошкова?.. Оно исходитъ изъ существенныхъ, коренныхъ чертъ его идеальнаго взгляда, на которыхъ преимущественно мы и остановимся, какъ на краеугольномъ камнѣ всѣхъ послѣдующихъ выводовъ... ¹⁾

¹⁾ Въ „Москвитянинѣ“ подъ этой статьѣ было подписано: *Продолженіе въ слѣдующемъ лѣтѣ*. Однако обѣщаннаго продолженія не послѣдовало, такъ какъ Григорьевъ въ скоромъ времени прекратилъ свое сотрудничество въ журналѣ Погодина. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 года, онъ вернулся снова къ затронутой здѣсь темѣ объ отношеніяхъ нашей литературы къ идеѣ народности,—хотя въ нѣсколько иной постановкѣ и съ иной исторической перспективой (см. выпускъ 3-ій настоящаго изданія).

Послѣ „Грозы“ Островскаго.

Письма къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

Гроза очищаетъ воздухъ.

Физическая аксіома.

.... смиреніе передъ народною правдою.

Слова Лаврецкаго („Дворянское гнѣздо“).

.... А что-то скажетъ народъ?..

Гоголевскій „Развѣздъ“

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

НЕИЗБѢЖНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

Вотъ что скажетъ народъ!.. думалъ я, выходя изъ ложи въ коридоръ послѣ третьяго дѣйствія „Грозы“, закончившагося искреннѣйшимъ взрывомъ общаго восторга и горячими вызовами автора.

Впечатлѣніе сильное, глубокое и, главнымъ образомъ, положительно *общее* произведено было не вторымъ дѣйствіемъ драмы, которое, хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, но все-таки можно еще притянуть къ карающему и обличительному роду литературы,— а концомъ третьяго, въ которомъ (концѣ) рѣшительно ничего иного нѣтъ, кромѣ поэзіи народной жизни, смѣло, широко и вольно захваченной художникомъ въ одномъ изъ ея существенныхъ моментовъ, не допускающемъ не только обличенія, но даже критики и анализа, такъ этотъ моментъ схваченъ и переданъ поэтически непосредственно. Вы не были еще на представленіи, но вы знаете этотъ великолѣпный по своей смѣлой поэзіи моментъ— эту небывалую доселѣ ночь свиданія въ оврагѣ, всю дышущую близостью Волги, всю благоухающую запахомъ травъ широкихъ

ея луговъ, всю звучащую вольными пѣснями, „забавными“ тайными рѣчами, всю полную обаянія страсти глубокой и трагически-роковой. Это вѣдь создано такъ, какъ будто не художникъ, а цѣлый народъ создавалъ тутъ. И это-то именно было всего сильнѣе почувствовано въ произведеніи массою, и при томъ массою въ Петербургѣ, дивн бы въ Москвѣ,—массою сложною, разнородною,—почувствовано при всей неизбѣжной (хотя значительно меньшей противъ обыкновенія) фальши, при всей пугающей рѣзкости Александринскаго выполненія.

Для меня лично, человѣка въ народъ вѣрующаго и давно, прежде вашего Лаврецкаго, воспитавшаго въ себѣ смиреніе передъ народною правдою, пониманіе и чувство народа составляютъ высшій критеріумъ, допускающій надъ собою въ нужныхъ случаяхъ повѣрку однимъ уже только, послѣднимъ, самымъ общимъ критеріумомъ христіанства. Не народъ существуетъ для словесности, а словесность (въ самомъ обширномъ смыслѣ, т.-е. какъ все многообразное проявленіе жизни въ словѣ) для народа, — и не словесностью создается народъ, а народомъ словесность. Всякая же словесность, которая думаетъ создать или пересоздать народъ... Но здѣсь я лучше покамѣсть остановлю рѣчь свою и не докончу мысли, какъ Гамлетъ не доканчиваетъ фразы: „И если солнце зарождаетъ червей въ дохлой собакѣ“...

Наканунѣ представленія „Грозы“ я долго говорилъ съ вами о многомъ, чтó для меня, п, судя по симпатіи вашей къ разговору, для васъ самихъ составляетъ существенное вѣрованіе по отношенію къ искусству и къ жизни. Я собирался было писать къ вамъ рядъ писемъ, въ которыхъ съ возможною и нужною—не для васъ, конечно, а для другихъ читателей — ясностью, съ возможною и совершенно ненужною, но считающеюся за нужную, въ наше отвыкшее отъ отвлеченнаго мышленія время, отчетливостью, изложить положенія и логически вывести жизненные послѣдствія того общаго взгляда на искусство и отношенія искусства къ жизни, который я не разъ пазывалъ идеально-художественнымъ. Взглядъ этотъ—не новый какой-нибудь, и стало быть я не имѣю претензіи называть его *моимъ* взглядомъ, называю же я его такъ, т.-е. идеально-художественнымъ, въ противоположность двумъ другимъ: 1) взгляду, присвоившему себѣ въ недавнее время названіе реального, но въ сущности *теоретическому*, разстилающему бѣдную жизнь на Прокрустово ложе, подчиняющему ея болѣе или менѣе

узкой теоріи, т.-е. совокупности послѣднихъ результатовъ, добытыхъ разсудкомъ въ послѣднюю минуту современной жизни, и 2) взгляду, присвоивающему себѣ названіе *эстетическаго*, проповѣдывающему свое дилетантское равнодушіе къ жизни и къ ея существеннымъ вопросамъ, во имя какого-то „искусства для искусства“, а потому гораздо болѣе заслуживающему названіе взгляда матеріальнаго,—грубо ли матеріальнаго, тонко ли матеріальнаго, это совершенно все равно ¹⁾). Естественно, что, противопоставляя идеально-художественный взглядъ эстетическому въ такомъ смыслѣ,—я не думаю ставить искусству какія-либо внѣшнія цѣли или задачи. Искусство существуетъ для души человѣческой и выражаетъ ея вѣчную сущность въ свободномъ творчествѣ образовъ, и по этому самому оно—независимо, существуетъ само по себѣ и само для себя, какъ все органическое,—но душу и жизнь, а не пустую игру, имѣетъ своимъ органическимъ содержаніемъ.

Вмѣсто развитія этихъ общихъ основъ, вмѣсто задуманныхъ было мною чисто-философскихъ бесѣдъ, которыя откладываются на неопредѣленное время, но все-таки, если накопятся когда-нибудь, то будутъ обращены къ вамъ, я, весь подъ вліяніемъ живого и, со всѣми его недостатками, истинно-могущественнаго художественнаго явленія, рѣшился повести съ вами многія и долгія рѣчи объ Островскомъ и значеніи его поэтической дѣятельности,—рѣчи, которыя прежде всего и паче всего будутъ искренни, т.-е. будутъ относиться къ самой сущности дѣла, а не къ чему-либо истороннему, *внѣ* дѣла лежащему, и самое дѣло намѣренно или ненамѣренно затемняющему.

Если нѣкоторыя изъ основныхъ положеній и послѣдствій идеально-художественнаго взгляда, въ примѣненіи къ разсматриваемымъ явленіемъ, потребуютъ, ио существу самаго дѣла, довольно подробнаго развитія,—я буду безъ опасенія отдаваться такимъ требованіямъ, по весьма *понятному* желанію—быть совершенно *понятнымъ* моимъ читателямъ.

По поводу этого я позволяю себѣ сдѣлать небольшое, чисто

¹⁾ Какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ, подъ „теоретиками“ разумѣются представители современной публицистической критики,—главнымъ образомъ Добролюбовъ и Чернышевскій; что касается до чисто-эстетической критики, отъ которой Григорьевъ считалъ также необходимымъ отмежеваться, то она представлена была въ современной литературѣ Дружининымъ.

личное отступление: признаться вамъ откровенно—жалобы на непонятность моего обычнаго изложенія мнѣ серьезно надоѣли, ибо я, какъ человѣкъ убѣжденія, позволяю себѣ дорожить моимъ убѣжденіемъ. Убѣжденіе—если оно есть дѣйствительное убѣжденіе—покупается по большей части цѣною умственныхъ и нравственныхъ процессовъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ переворотовъ, не всегда, какъ вы знаете, легкихъ—а не приходится съ вѣтра. Въ комъ есть сильная потребность высказать свои убѣжденія, въ томъ очень естественно и желаніе, чтобы съ ними, съ этими составляющими нравственную жизнь человѣка убѣжденіями *соглашались*, или, что такъ же важно, *спорили*. До сихъ же поръ я еще не имѣлъ удовольствія спорить какъ ни съ кѣмъ изъ *теоретиковъ*, такъ и ни съ кѣмъ изъ эстетиковъ.

Готовый съ полною искренностью сознаться въ грѣхѣ нѣкоторой темноты изложенія и нѣкоторой излишней привязанности къ анализу, я остаюсь однако при убѣжденіи, что умственной лѣни, лѣни мыслить и слѣдить за развитіемъ чужой мысли, не надо по настоящему баловать ни въ себѣ, ни въ другихъ. Сжатая форма философскаго изложенія—разумѣется, тамъ, гдѣ онѣ нужны—замѣняютъ собою цѣлыя страницы резонёрства, хотя, конечно, требуютъ отъ читателя самозанятія, вовсе резонёрствомъ не требуемаго.

Не отступаясь поэтому нисколько отъ права предполагать въ моихъ читателяхъ способность мыслить и слѣдить за развитіемъ чужой мысли, я, въ настоящемъ случаѣ, постараюсь только, сколь возможно, избѣгать сжатыхъ формулъ и терминовъ философіи тождества, но—счелъ бы грѣхомъ замѣнять ихъ резонёрствомъ. Резонёрство рѣшительно противно всякому, чье мышленіе осиливаетъ истины хоть пемного болѣе сложныя, чѣмъ $2 \times 2 = 4$. Есть мышленія, да и не женскія только,—вы этого, къ сожалѣнію, не договорили,—въ которыхъ 2×2 даютъ не 4, а *стеариновую свѣчку*... Вотъ для этихъ-то мышленій и создано въ особенности резонёрство. Шевеля и раздражая умственное сладострастіе, резонёрство, этотъ процессъ безъ результатовъ, это истинное и единственное „искусство для искусства“, тѣмъ хорошо, что и на дѣло какъ будто похоже, т.-е. даетъ извѣстную степень наслажденія, да и къ дѣлу ни къ какому не ведетъ, т.-е. не требуетъ отъ занимающихся имъ ни умственныхъ, ни нравственныхъ самопожертвованій.

Истина философская, какъ изящное произведеніе, связана съ извѣстною цѣлью, есть органическое звено цѣлаго міра—и цѣлый міръ въ ней просвѣчиваетъ, какъ въ цѣломъ недѣлимомъ. Если душа ваша приняла ее, васъ объялъ уже цѣлый міръ необходимо связанныхъ съ нею мыслей: у нея есть связи, родство, исторія—и вслѣдствіе этого неотразимая влекущая впередъ сила—сила жизни.

Резонерство, это—дагерротинъ, случайный, сухой, мертвый, ни съ чѣмъ разумно не связанный, умственный трутень, умственный евнухъ, порожденіе моральнаго мѣщанства, его любимое чадо, высиженное имъ, какъ гомункулусъ Вагнеромъ.

II.

Позволивъ себѣ, по крайней необходимости, это небольшое вступленіе и облегчивши нѣсколько душу изліяніемъ моей глубокой ненависти къ резонерству, столь нравящемуся большинству, перехожу къ дѣлу.

Я собираюсь, какъ я сказалъ, повести съ вами *домія* и совершенно *искреннія* рѣчи о значеніи дѣятельности Островскаго по поводу его послѣдняго произведенія, возбуждающаго, по обыкновенію, какъ и всѣ предшествовавшія, различные толки, иногда, и даже очень часто, совершенно противоположные: иногда умные, иногда положительно дикіе, но, во всякомъ случаѣ, большею частью *неискренніе*, т.-е. къ дѣлу не относящіеся,—а по поводу дѣла высказывающіе тѣ или другія общественныя и нравственныя теоріи критиковъ-публицистовъ. Критики-публицисты—вообще люди въ высшей степени благонамѣренныя, проникнутые самымъ законнымъ и серьезнымъ сочувствіемъ къ общественнымъ вопросамъ; теоріи ихъ, если и подлежатъ спору во многихъ пунктахъ, какъ всякія теоріи, но тѣмъ не менѣе, проводя послѣдовательно извѣстныя точки зрѣнія на жизнь, содѣйствуютъ необходимо къ разъясненію существенныхъ вопросовъ жизни; но дѣло-то въ томъ, что эти теоріи, какъ бы умны онѣ ни были, изъ какихъ бы законныхъ точекъ ни отправлялись, въ художественномъ произведеніи слѣдятъ, да и могутъ слѣдить только *ту* жизнь, которую видятъ съ извѣстныхъ точекъ, а не ту, которая въ немъ, если оно есть истинно-художественное произведеніе, просвѣчиваетъ со всѣмъ своимъ многообъемлющимъ и въ отношеніи къ теоріямъ часто ироническимъ смысломъ. Художество, какъ дѣло синтетическое, дѣло того, что

называется вдохновеніемъ, захватываетъ жизнь гораздо шире всякой теоріи, такъ что теорія сравнительно съ нимъ остается всегда назади.

Такъ оставило назади послѣднее произведеніе Островскаго въ теоріи, повидимому столь побѣдоносно и по истинѣ блистательно высказанныя замѣчательно даровитымъ публицистомъ „Современника“ въ статьяхъ о „Темномъ царствѣ“.

Статьи эти надѣлали много шума, да и дѣйствительно одна сторона жизни, отражаемой произведеніями Островскаго, захвачена въ нихъ такъ мѣтко, казнена съ такою беспощадною послѣдовательностью, заклеяена такимъ вѣрнымъ и типическимъ словомъ, что Островскій явился передъ публикой совершенно неожиданно обличителемъ и карателемъ самодурства. Оно вѣдь и такъ. Изображая жизнь, въ которой самодурство играетъ такую важную, трагическую въ принципѣ въ своемъ и послѣдствіяхъ, и комическую въ своихъ проявленіяхъ роль, Островскій не относится же къ самодурству съ любовью и нѣжностью. Не относится съ любовью и нѣжностью—слѣдственно относится съ обличеніемъ и карою,—заключеніе прямое для всѣхъ, любящихъ подводить мгновенные итоги подъ всякую полосу жизни, освѣщенную свѣтомъ художества, для всѣхъ теоретиковъ, мало уважающихъ жизнь и ея безграничныя тайны, мало вникающихъ въ ея ироническія выходки.

Прекрасно! Слово Островскаго—обличеніе самодурства нашей жизни. Въ этомъ его значеніе, его заслуга, какъ художника; въ этомъ сила его, сила его дѣйствія на массу, на эту послѣднюю для него, какъ для драматурга, инстанцію.

Да точно-ли въ этомъ?

Беру фактъ самый яркій, не тотъ даже, съ котораго я началъ свои рапсодіи, а фактъ только возможный (увы! когда-то наконецъ возможный)—беру возможное, или пожалуй невозможное, представленіе первой его комедіи: „Свои люди—сочтемся“... ¹⁾

Остроумный авторъ статей „Темное царство“ положительно, на примѣръ, отказывается въ своемъ сочувствіи Большову даже и въ трагическую минуту жизни этого послѣдняго... Откажетъ ли ему въ сожалѣніи и, стало быть, извѣстномъ сочувствіи масса?... Пу-

¹⁾ Въ эпоху, когда писалась эта статья, комедія Островскаго все еще находилась подъ запретомъ; она была впервые поставлена на сценѣ только въ слѣдующемъ, 1861 году.

блицисть—до чего не доведеть челоувѣка теорія!—почти-что стоитъ на сторонѣ Липочки; по крайней мѣрѣ, она у него включена въ число протестантокъ и протестантовъ въ быту, обуреваемомъ и подавляемомъ самодурствомъ. Спрашиваю васъ: какъ масса отнесется къ *протестанткѣ* Липочкѣ?.. пойметъ ли она Липочку какъ *протестантку*?

Въ другихъ комедіяхъ Островскаго симпатіи и антипатіи массы также точно разойдутся съ симпатіями и антипатіями г.—бова, какъ постараюсь я доказать фактами и подробно впослѣдствіи. А вѣдь это вопросы неотразимые. Островскій, прежде всего, драматургъ: вѣдь онъ создаетъ свои типы не для г.—бова, автора статей о „Темномъ царствѣ“—не для васъ, не для кого-нибудь, а для массы, для которой онъ, пожалуй, какъ поэтъ ея, поэтъ народный, есть и учитель, но учитель съ тѣхъ высшихъ точекъ зрѣнія, которыя доступны ей, массѣ, а не вамъ, не мнѣ, не г.—бову, съ точекъ зрѣнія, ею, массой, понимаемыхъ, ею раздѣляемыхъ.

Поэтъ—учитель народа только тогда, когда онъ судитъ и рядитъ жизнь во имя идеаловъ, жизни самой присущихъ, а не имъ, поэтомъ, сочиненныхъ. Не думайте,—да вы, вѣроятно и не подумаете,—чтобы массою здѣсь звалъ я одну какую-либо часть великаго цѣлаго, называемаго народомъ. Я зову массою, чувствомъ массы, то, что въ извѣстную минуту сказывается невольнымъ общимъ настроеніемъ, вопреки частому и частному, сознательному или безсознательному настроенію въ васъ, во мнѣ, даже въ г.—бовѣ, наравнѣ съ купцомъ изъ Апраксина ряда. Это что-то, сказывающееся въ насъ, какъ нѣчто фізіологическое, простое, неразложимое, мы можемъ подавлять въ себѣ развѣ только фанатизмомъ теоріи.

За то, посмотрите, какія слѣдствія производитъ насильственное подавленіе въ себѣ этого простого, фізіологическаго чувства; полюбуйтесь, какъ души молодыя и горячія, увлеченныя фанатизмомъ теоріи, скачутъ по всѣмъ по тремъ въ догонку за первыми, высказавшими извѣстнымъ положительнымъ образомъ, извѣстную, имѣющую современное значеніе теорію, и не только въ догонку, а въ перегонку, ибо теорія есть идолъ неумолимо-жадный, постоянно требующій себѣ новыхъ и новыхъ жертвенныхъ требъ.

Имѣете ли вы понятіе о статейкѣ, появившейся въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, по поводу „Грозы“ Островскаго? Статейка принадлежитъ къ числу тѣхъ курьезовъ, которые будутъ дороги по-

томству, и даже весьма недалекому потомству, будутъ имъ отыскиваемы, какъ замѣчательныя указанія на болѣзни нашей напряженной и рабочей эпохи ¹⁾. Авторъ ея еще прежде *удивилъ* читателей непстovo-напряженною статьей о русской женщинѣ, по поводу ломанной натуры (если патурою называть это можно) Ольги въ романѣ „Обломовъ“. Но удивленіе, возбуждаемое статейкой о „Грозѣ“, превосходитъ многими степенями удивленіе, произведенное прежнею. Съ какою наивною, чисто *ученою*, т.-е. мозговою, а не сердечною вѣрою, юный (по всей вѣроятности) рецензентъ „Московского Вѣстника“ усвоилъ остроумную и блистательно высказанную теорію автора статей: „Темное царство“! Не знаю, стало ли бы у самого г.—бова столько смѣлой послѣдовательности въ проведеніи его мысли, какъ у его ученика и сеида ²⁾. Даже сомнѣваюсь, чтобы стало; авторъ статей „Темное царство“, судя по зрѣлому, мастерскому его изложенію,—человѣкъ взрослый; даже готовъ подозревать, что г.—бовъ втихомолку хохочетъ надъ усердіемъ своего сеида, втихомолку потому, что хохотать явно было бы недобросовѣстно со стороны г.—бова. Вѣдь „его же добромъ, да ему же челомъ“, вѣдь рецензентъ „Московского Вѣстника“ собственно только прилагаетъ добросовѣстно къ „Грозѣ“ идеи автора „Темнаго царства“, точно такъ же, какъ въ статьѣ о русской женщинѣ онъ только проводилъ послѣдовательно и съ горячимъ энтузіазмомъ холодно-желчныя идеи автора статей объ Обломовщинѣ. Г. Пальховскій—имя юнаго рецензента—глубоко увѣровалъ въ то, что Островскій каратель и обличитель самодурства и прочаго, и вотъ „Гроза“ вышла у него только сатирою, и *только* въ смыслѣ сатиры придалъ онъ ей значеніе. Мысль и сама по себѣ дикая, но полюбуйте ея въ приложеніяхъ: въ нихъ-то вся сила, въ нихъ-то вся прелесть. Катерина не протестантка, а если и протестантка, то безильная, не вынесшая сама своего *протеста*,—катай ее, Катерину! Мужъ ея ужъ совсѣмъ не протестантъ,—валяй же его, мерзавца! Извините за цинизмъ моихъ выраженій, но они мнѣ приходили невольно на языкъ, когда я съ судорожнымъ хохотомъ читалъ статью г. Пальховскаго,—и каюсь вамъ, вслѣдствіе статьи юнаго сеида г.—бова, я невольно хохоталъ надъ

¹⁾ „Московский Вѣстникъ“, 1859 г., № 49; статья подписана *А. П—скій* (Пальховскій).

²⁾ „Сеидъ“—въ смыслѣ фанатически преданнаго ученика и послѣдователя (*Сеидъ*—ученикъ Магомета въ трагедіи Вольтера). *Примѣч. В. С.*

множеством положеній серьезной и умной статьи публициста „Современника“, разумѣется взятыхъ только въ ихъ послѣдовательномъ приложеніи. Протестантка Липочка, протестантки Матрена Савишна и Марія Антиповна, иопивающія съ чиновниками мадеру на вольномъ воздухѣ подъ Симоновымъ... какъ хотите, а вѣдь такого рода протестантизмъ—въ иную минуту невольно представится очень забавнымъ!

Но вѣдь смѣхъ смѣху рознь, и въ моемъ смѣхѣ было много грусти... и много тяжелыхъ вопросовъ выходило изъ-за логического комизма.

Мнѣ, право, иногда наше время представляется выраженнымъ читателю смѣло, но вѣрно, въ сценѣ высоко поэтического созданія „Komedja nieboska“¹⁾, въ которой поэтъ приводитъ своего героя въ сумасшедшій домъ, и гдѣ въ различныхъ голосахъ сумасшедшихъ слышны различные страшные вопли нашего времени, различныя теоріи, болѣе или менѣе уродливыя, болѣе или менѣе фанатическія; страшная и глубокаго смысла исполненная сцена!

Вѣдь не только г.—бовъ, даже сеидъ его,—по всей вѣроятности человѣкъ, глубокимъ, хоть и мозговымъ процессомъ вырабатывающій свои убѣжденія,—не только, говорю я, они не смѣшны своими увлеченіями,—они достойны за нихъ (разумѣется, не въ равной мѣрѣ) и сочувствія, и уваженія. Вѣдь мы ищемъ, мы просимъ отвѣта на страшные вопросы у нашей, мало ясной намъ жизни; вѣдь мы не виноваты ни въ томъ, что вопросы эти страшны, ни въ томъ, что жизнь наша, эта жизнь, насъ окружающая, намъ мало ясна съ незапамятныхъ временъ. Вѣдь это ио истинѣ страшная, затерявшаяся *идь-то* и *когда-то* жизнь, та жизнь, въ которой рассказывается серьезно, какъ въ „Грозѣ“ Островскаго, что „эта Литва, она къ намъ съ неба уиала“, и отъ которой, затерявшейся *идь-то*, *когда-то*, отречься намъ нельзя безъ насилія надъ собою, противоестественнаго и потому почти преступнаго; та жизнь, съ которою мы всѣ сначала враждуемъ, и смиреніемъ передъ невѣдомою правдою которой всѣ люди съ сердцемъ, люди плоти и крови кончали, кончаютъ и должно-быть будутъ еще кончать, какъ Фѣдоръ Лаврецкій, обрѣтшій въ ней свою искомую и созданную изъ ея соковъ Лизу; та жизнь, которой въ лицѣ Агаоби Матвѣевны приносить Обломовъ въ жертву дѣланную и изломанную,

1) „Небожественная Комедія“ Красивскаго (1834).

хотя виѣшне граціозную натуру Ольги, и въ которой онъ гибнетъ, единственно впрочемъ по волѣ своего автора, и не мира насъ притомъ нисколько своею гибелью съ личностью Штольца.

Да, страшна эта жизнь, какъ тайна страшна, и какъ тайна же, она манитъ насъ, и дразнить, и тащить...

Но куда?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Въ омутъ, пли на просторъ и на свѣтъ? Въ единеніи-ли съ нею, или въ отрицаніи отъ нея, губящей обломовщины съ одной стороны, безысходно-темнаго царства съ другой, заключается для насъ спасеніе?

III.

Мы дошли до того, что съ тѣми нравственными началами, съ которыми до сихъ поръ жили, или лучше—прозябали, въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ пребывали, или вѣрнѣе кисти, жить болѣе не можемъ.

Мудрено-ли, еще разъ, что у всѣхъ явленій *таинственной* нашей жизни мы доискиваемся смысла? Мудрено-ли, что во всякомъ художественномъ созданіи, отразившемъ въ своемъ фокусѣ наибольшую сумму явленій извѣстнаго рода, мы ищемъ оправданія и подкрѣпленія того смысла, который мы сами болѣе или менѣе вѣрно, но во всякомъ случаѣ серьезно, придали явленіямъ, вслѣдствіе законнаго раздраженія неправыми явленіями и еще болѣе законнаго желанія уяснить себѣ темныя для насъ явленія?

Все это не только немудрено, но совершенно логично. Всѣмъ этимъ совершенно объясняются различныя отношенія нашей мысли къ произведеніямъ искусства, которыя сколько-нибудь сильно ее шевелятъ.

Кровныя или мозговья, но (какъ тѣ, такъ и другія) сильныя и дѣйствительныя вражды и сочувствія вносимъ мы въ наши отношенія къ этимъ, повидимому невиннымъ, чадамъ творчества и фантазіи. И иначе быть не можетъ.

Чада, какъ всякія чада, дѣйствительно невинны, но они живыя порожденія жизни. Время, когда созданія искусства считались роскошью, увеселеніемъ безъ причинъ и послѣдствій, давно прошло. Еще мрачный монахъ Савонарола, сожигая на площади Санъ-Марко во Флоренціи мадоннъ итальянскихъ художниковъ его времени, понималъ, что невинныя чада искусства могутъ возбуждать любовь и ненависть, какъ и виновныя чада жизни...

Наше время еще больше это понимаетъ. Фанатизмъ симпатій и антипатій прокрался даже и въ ту область художества, которая наибѣе чужда нравственныхъ и жизненныхъ требованій, наименѣе къ чему-либо обязываетъ,—даже въ музыку, и фанатическая религія вагнеризма есть одинъ изъ яркихъ симптомовъ страшной напряженности умственнаго и нравственнаго настроенія нашей эпохи.

По этому-то самому нельзя въ наше время отказать въ уваженіи п сочувствіи никакой честной теоріи, т.-е. теоріи, родившейся вслѣдствіе честнаго анализа общественныхъ отношеній и вопросовъ, и весьма трудно оправдать чѣмъ-либо дилетантское равнодушіе къ жизни и ея вопросамъ, прикрывающее себя служеніемъ какому-то „чистому искусству“. Съ теоретиками можно спорить: съ дилетантами нельзя, да и не надобно. Теоретики рѣжутъ жизнь для своихъ идоло-жертвенныхъ требъ, но это имъ, можетъ быть, многого стоить. Дилетанты тѣшатъ только илотъ свою, и какъ имъ въ сущности ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла, такъ и до нихъ тоже никому не можетъ быть въ сущности никакого дѣла. Жизнь требуетъ порѣшеній своихъ жгучихъ вопросовъ, кричить разными своими голосами, голосами почвъ, мѣстностей, народностей, настроеній нравственныхъ, въ созданіяхъ искусствъ,—а они себѣ тянутъ вѣчную пѣсенку про бѣлаго бычка, про искусство для искусства, и принимаютъ невинность чадъ мысли и фантази въ смыслѣ какого-то безплодія. Они готовы закидать грязью Занда за неприличную тревожность ея созданій, и манерою фламандской школы оправдывать пустоту и низменность чиновническаго взгляда на жизнь. То и другое имъ равно ничего не стоить!

Нѣтъ! я не вѣрю въ ихъ искусство для искусства, не только въ нашу эпоху,—въ какую-угодно *истинную* эпоху искусства. Ни фанатическій гибеллинъ Дантъ, ни честный англійскій мѣщанинъ Шекспиръ, столь ненавистный пуританамъ всѣхъ странъ и вѣковъ *даже до сего дне*, ни мрачный инквизиторъ Кальдеронъ, не были художниками въ томъ смыслѣ, какой хотять придать этому званію дилетанты. Понятіе объ искусствѣ для искусства является въ эпохи упадка, въ эпохи разъединенія сознанія немногихъ лицъ, утонченнаго чувства дилетантовъ, съ народнымъ сознаніемъ, съ чувствомъ массъ...! Истинное искусство было и будетъ всегда народное, демократическое, въ философскомъ смыслѣ этого слова. Искусство воплощаетъ въ образы, въ идеалы сознаніе массы. Поэты суть голоса массъ, народностей, мѣстностей, глашатаи ве-

ликих истинъ и великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ,—организмовъ во времени, и народовъ,—организмовъ въ пространствѣ.

Но изъ этой же самой народной, демократической сущности истиннаго искусства слѣдуетъ, что теоріи не могутъ обнять всего живого смысла поэтическихъ произведеній. *Теоріи, какъ итоги, выведенные изъ прошедшаго разсудкомъ*, правы всегда только въ отношеніи къ прошедшему, на которое онѣ, какъ на жизнь, опираются; а прошедшее есть всегда только трупъ, покидаемый быстро-текущею жизнію, трупъ, въ которомъ анатомія доберется до всего, кромѣ души. Теорія вывела изъ извѣстныхъ данныхъ извѣстные законы и хочетъ заставить насильственно жить всѣ послѣдующія, раскрывающіяся данныя по этимъ логически-правильнымъ законамъ. Логическое бытіе самыхъ законовъ несомнѣнно, мозговая работа по этимъ отвлеченнымъ законамъ идетъ совершенно правильно, да идетъ-то она въ отвлеченномъ, чисто логическомъ мірѣ, мірѣ, въ которомъ все имѣетъ очевидную послѣдовательность, строгую необходимость, въ которомъ нѣтъ неисчерпаемаго творчества жизни, называемаго обыкновенно случайностью, называемаго *такъ* до тѣхъ поръ, пока она не станетъ прошедшимъ, и пока логическая анатомія не разсѣчетъ этого трупа и не приготовитъ новаго препарата въ видѣ новой теоріи:

Кого-жъ любить, кому же вѣрить,
Кто не измѣнитъ намъ одявъ?...

имѣете право спросить меня и вы, и читатели моихъ писемъ къ вамъ, словами поэта.

Кого любить? Кому вѣрить? Жизнь любить—и въ жизнь одну вѣрить, подслушивать біенія ея пульса въ массахъ, внимать голосамъ ея въ созданіяхъ искусства, и религіозно радоваться, когда она приподнимаетъ свои покровы, разоблачаетъ свои новыя тайны и разрушаетъ наши старыя теоріи...

Это одно, что осталось намъ, это именно и есть „смирненіе передъ народною правдою“, которымъ такъ силенъ вашъ разбитый Лаврецкій.

Иначе, безъ смиренія передъ жизнію, мы станемъ непризванными учителями жизни, непрощенными печальниками народнаго благоденствія,—а главное, будемъ поставляемы въ постоянно ложныя положенія передъ жизнію.

IV.

Опять обращаясь къ фактамъ, породившимъ эти разсужденія, я указываю, какъ на большое мѣсто современныхъ теорій, на толки о дѣятельности Островскаго. Сколько времени эта, чисто уже свободная, и со всѣми своими недостатками цѣлостная, органическая, жпвая, дѣятельность ускользала изъ подъ ножа теорій, не подавалась ихъ опредѣленіямъ, была за это преслѣдуема, вовсе не признаваема, или полу-признаваема.

Явился наконецъ остроумный человѣкъ, который втиснулъ ее въ такія рамки, что стало возможно помирить сочувствіе къ ней съ сочувствіемъ къ интересамъ и теоріямъ минуты, что она перестала выбиваться изъ общей колеи кары и обличенія. Совершилось на глазахъ читателей одно изъ удивительнѣйшихъ превращеній. Драматургъ, котораго обвиняли, иногда безъ основаній, иногда съ основаніями, во множествѣ недостатковъ, недодѣлокъ и недосмотровъ; писатель, которому въ одной изъ нахальнѣйшихъ статей одного погибшаго журнала отказывали въ истинномъ талантѣ; которому въ другой, не менѣе нахальной, хотя болѣе приличной статьѣ другого журнала, совѣтовали преимущественно думать и думать,—превратился изъ народнаго драматурга въ чистаго сатирика, обличителя самодурства, но зато—положительно былъ оправданъ отъ всѣхъ обвиненій. Всѣ вины взвалены были на „темное царство“, сатирикъ же явился рѣшительно безупречнымъ.

Повернетъ ли онъ круто, чтобы какъ-нибудь свести концы, характеръ какого-либо лица; оставитъ ли онъ какое драматическое положеніе въ видѣ намека; не достанетъ ли у него вѣры въ собственный замыселъ и смѣлости довершить по народному представленію то, что зачалось по народному представленію,—виновать не онъ, виновато „темное царство“, котораго безобразій онъ каратель и обличитель. Чтѣ за нужда, что, прилагая одну эту мѣрку, вы урѣзываете въ писателѣ его самыя новыя, самыя существенныя свойства, пропускаете или не хотите видѣть его положительныя, поэтическія стороны; чтѣ нужды, что вы заставляете художника идти въ его творчествѣ не отъ типовъ и ихъ отношеній, а отъ вопросовъ общественныхъ и юридическихъ! Мысль, взятая за основаніе, сама по себѣ вѣрна. Вѣдь—опять повторяю—не относится же драматургъ къ самодурству и безобразію изображаемой имъ жизни съ любовью и нѣжностью; не относится,

такъ, стало-быть, относится съ казнію и обличеніемъ. Ergo—regeat mundus, fiat justitia! Общее правило теоретиковъ дѣйствуетъ во всей силѣ, и дѣйствительно разрушается цѣлый міръ, созданный творчествомъ, и на мѣсто образовъ являются фигуры съ ярлыками на лбу: самодурство, забытая личность, и т. д. За то Островскій становится понятенъ, т.-е. теорія можетъ вывести его дѣятельность, какъ логическое послѣдствіе, изъ дѣятельности Гоголя.

Гоголь избличилъ нашу на показъ выставляемую, такъ-сказать официальную, дѣйствительность; Островскій подымаетъ покровы съ нашей таинственной, внутренней, бытовой жизни, показываетъ главную пружину, на которой основана ея многосложная машина—самодурство; самъ даетъ даже это слово для опредѣленія своего безцѣннаго Кита Китыча... Что же?

Ужель загадку разрѣшили,
Ужели *слово* найдено?

то слово, которое непременно несетъ съ собою и въ себѣ Островскій, какъ всякій истинно замѣчательный, истинно народный писатель?

Ежели такъ, то найденное *слово* не должно бояться никакой повѣрки, тѣмъ болѣе повѣрки жизнию. Ежели оно правильно, то всякую повѣрку выдержать. Ежели оно правильно, то изъ подъ его широкой рамки не должны выбиваться никакія черты того міра, къ которому оно служить ключомъ. Иначе — оно или вовсе невѣрно, или вѣрно только наполовину: къ однимъ явленіямъ подходитъ, къ другимъ не подходитъ. Позволяю себѣ предложить разомъ всѣ недоумѣнія и вопросы, возникающіе изъ приложенія слова къ явленіямъ,—шагъ за шагомъ, драма за драмою.

1) Что правильное, народное сочувствіе, нравственное и гражданское, въ „Семейной картинѣ“—не на сторонѣ протестантокъ, Матрены Савишны и Марьи Антиповны,—это, я полагаю, несомнѣнно,—хотя изъ несочувствія къ нимъ нравственнаго народнаго сознанія не слѣдуетъ сочувствія къ самодурству Антипа Антипыча Пузатова и его матери, къ ханжеству и гнусности Ширялова. Но—*какъ* изображено самодурство Антипа Антипыча: съ злымъ ли юморомъ сатирика, или съ наивной правдою народнаго поэта?—это еще вопросъ.

2) „Свои люди—сочтемся“, — прежде всего картина общества, отраженіе цѣлаго міра, въ которомъ проглядываютъ многообразныя

ныя органическія начала, а не одно самодурство. Что человѣческое сожалѣніе и сочувствіе остается по ходу драмы за самодурами, а не за протестантами—это даже и не вопросъ, хотя съ другой стороны—не воирось же и то, что Островскій не поставлялъ себѣ задачею возбужденія такого сочувствія. Нѣтъ! онъ только не былъ сатирикомъ, а былъ объективнымъ поэтомъ.

3) Что въ „Утрѣ молодого человѣка“ дѣло говоритъ самодуръ дядя, а не протестантъ племянникъ—тоже едва ли подлежитъ сомнѣнію.

4) Міръ „Бѣдной невѣсты“ изображенъ съ такою симпатією поэта и такъ мало въ немъ сатирическаго въ изображеніи того, что могло бы даже всякому другому подать поводъ къ сатирѣ, что нужна неимовѣрная логическая натяжка для того, чтобы сочувствовать въ этомъ мірѣ не высокой, приносящей себя въ жертву долгу, покоряющейся, женской натурѣ, а одной только погибшей, хотя и дѣйствительно богатой силами, личности Дуня, какъ сочувствуетъ г.—бовъ. Дуня—созданіе большого мастера, и какъ всякое созданіе истиннаго художества, носитъ въ себѣ высоко-нравственную задачу; но задача-то эта—съ простой, естественной, а не съ теоретической, насильственной точки зрѣнія—заключается вовсе не въ протестъ. Въ Дунѣ правильнымъ образомъ сочувствуетъ масса не ея гибели и протесту, а тѣмъ лучшимъ качествамъ великодушія, которыя въ ней уцѣлѣли въ самомъ паденіи, тому высокому сознанію грѣха, которое свѣтитя въ ней, той покорности жребію, которая въ ея сильной, широкой и размашистой натурѣ цѣнится вдвое дороже, чѣмъ въ натурѣ менѣе страстной и богатой.

Такъ, по крайней мѣрѣ дѣло выходитъ съ точки зрѣнія простого смысла и простого чувства, а по-ученому тамъ, не знаю, выйдетъ, можетъ-быть, и иначе. О томъ, какъ вся манера изображенія и весь строй отношеній къ дѣйствительности въ „Бѣдной невѣстѣ“ противорѣчатъ манерѣ Гоголя и его строю—я еще здѣсь и не говорю. Я беру только самое очевидное, понятное, такое, въ чемъ теоретическій масштабъ положительно, на всякіе глаза, расходится съ настоящимъ дѣломъ.

5) Въ комедіи „Не въ свои сани не садись“—никакими разсужденіями вы не добьетесь отъ массы ни пониманія вреда отъ самодурства почтеннаго Максима Фодотыча Русакова, ни сочувствія къ чему-либо иному, кромѣ какъ къ положенію того же Русакова,

къ простой и глубокой любви Бородинки и къ жестокому положенію бѣдной дѣвушки, увлеченной простотою своей любящей души, да совѣтами протестантки тетушки ¹⁾).

6) „Бѣдность не порокъ“—не сатира на самодурство Гордѣя Карпыча, а опять-таки, какъ „Свои люди сочтемся“ и „Бѣдная невѣста“, поэтическое изображеніе цѣлаго міра, съ весьма разнообразными началами и пружинами. Любимъ Торцовъ возбуждастъ глубокое сочувствіе не протестомъ своимъ, а могучестью природы, соединенной съ высокимъ сознаниемъ долга, съ чувствомъ чело-вѣческаго достоинства, уцѣлѣвшими и въ грязи, глубиною своего раскаянія, искреннею жаждою жить честно, по-божески, по-земски. Любовь Гордѣевна,—одинъ изъ прелестнѣйшихъ, хоть и слегка очерченныхъ женскихъ образовъ Островскаго, — не забытая личность, возбуждающая только сожалѣніе, а высокая личность, привлекающая все наше сочувствіе, какъ не забытая личности ни Марья Андреевна, въ „Бѣдной невѣстѣ“, ни Пушкинская Татьяна, ни ваша Лиза. Быть, составляющій фонъ широкой картины, взятъ—на всякіе глаза, кромѣ глазъ теоріи—не сатирически, а поэтически, съ любовью, съ симпатіею очевидными, скажу больше—съ религиознымъ культомъ существенно-народнаго. За это даже вооружились на Островскаго во дни оны. Поэтическое, т.-е. прямое, а не косвенное, отношеніе къ быту и было камнемъ преткнанія и соблазна для присяжныхъ цѣнителей Островскаго, причиною ихъ, въ отношеніи къ нему, ложнаго ноложенія, изъ котораго думалъ вывести ихъ всѣхъ г.—бовъ.

7) Набросанный очеркъ широкой народной драмы: „Не такъ живи, какъ хочется“ столь мало сатира, что въ изображеніи главнаго самодура, старика Ильи Ильича, нѣтъ и тѣни комизма. Въ Петрѣ Ильичѣ далеко не самодурство существенная сторона характера. Въ созданіи Груши, и даже ея матери, виденъ для всякаго, кромѣ теоретиковъ, народный поэтъ, а не сатирикъ. Груша въ особенности есть лицо изображенное положительно, а не отрицательно, изображенное, какъ нѣчто живое и долженствующее жить.

8) Если бы *самодурство* Кита Китыча было одною цѣлію изображенія въ комедіи „Въ чужомъ пиру похмѣлье“—общественный

¹⁾ Комедія „Не въ свои сани не садись“ даже явно страждетъ въ художественномъ отношеніи рѣзкостью лицепріятнаго сочувствія къ земскому быту, и никакія теоретическія натяжки этого не прикроютъ.

смыслъ этой комедіи не былъ бы такъ широкъ, каковъ онъ представляется въ связи ея съ „Доходнымъ мѣстомъ“, съ „Праздничнымъ сномъ“, съ сценами „Не сошлись характеромъ“.—Что Китъ Китычъ самодуръ—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но такого *милѣйшаго* Кита Китыча создалъ поэтъ, а не сатирикъ, какъ не сатирикъ создавалъ Фальстафа. Вѣдь вамъ жаль разстаться съ Китомъ Китычемъ, вы желали бы видѣть его въ различныхъ подробностяхъ его жизни, въ различныхъ его подвигахъ... Да и смыслъ-то комедіи не въ немъ. Комедія эта, вмѣстѣ съ исчисленными мною другими, захватываетъ дѣло глубже идеи самодурства, представляетъ отношенія земщины къ чуждому и невѣдомому ей официальному міру жизни. Надъ Китомъ Китычемъ масса смѣется добродушнѣйшимъ смѣхомъ. Горькое и трагическое, но опять таки не сатирическое, лежитъ на днѣ этой комедіи и трехъ послѣдующихъ—въ идеѣ нашей таинственной и какъ тайна страшной, затерявшейся гдѣ-то и когда-то, жизни. Горькое и трагическое въ судьбѣ тѣхъ, кого называетъ карасями Досужевъ „Доходнаго мѣста“, благороднѣйшая личность, которой практической ея героизмъ не указываетъ иного средства жить самому и служить народу, какъ писать прошенія со вставленіемъ всѣхъ орнаментовъ. Горькое и трагическое въ томъ, что „царь Фараонъ изъ моря выходитъ“ и что „эта Литва—она къ намъ съ неба упала“. Горькое и трагическое въ томъ, что ученье и грамота сливаются въ представленіи отупѣлой земщины съ тѣмъ, что „отдали мальчика въ ученье, а ему глазъ и выкололи“,—въ томъ, что земщина, въ лицѣ глупаго мужика Кита Китыча, предполагаетъ въ Сахарѣ Сахарычѣ власть и силу написать такое прошеніе, по которому можно троихъ человѣкъ въ Сибирь сослать, и въ лицѣ умнаго мужика Неуѣденова—справедливо боится всего, что не она, земщина; въ наивномъ письмѣ Серафимы Карповны къ мужу: „Что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ? Тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будетъ денегъ,—я кого люблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги—я кого люблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы“. Вотъ въ чемъ истинно-горькое и закулисно-трагическое этого міра, а не въ самодурствѣ. Самодурство, это только накипь, пѣна, комическій отсадокъ; оно, разумѣется, изображается поэтомъ комически,—да какъ же иначе его и изображать?—но не оно—ключъ къ его созданіямъ!

Для выраженія смысла всѣхъ этихъ, изображаемыхъ художникомъ съ глубиною и сочувствіемъ, странныхъ, затерявшихся гдѣ-то и когда-то, жизненныхъ отношеній—слово *самодурство* слишкомъ узко, и имя сатирика, обличителя, писателя отрицательнаго, весьма мало идетъ къ поэту, который играетъ на всѣхъ тонахъ, на всѣхъ ладахъ народной жизни, который создаетъ энергическую натуру Нади, страстно-трагическую задачу личности Катерины, высокое лицо Кулигина, Грушу, отъ которой такъ и пышетъ жизнію и способностью жить съ женскимъ достоинствомъ—въ народной драмѣ: „Не такъ живи какъ хочется“, старика Агаеона въ той же драмѣ съ его безграничною, какой-то пантеистическою, даже на тварь простирающеюся любовію.

Имя для этого писателя, для такого большого, не смотря на его недостатки, писателя—не сатирикъ, а народный поэтъ. Слово для разгадки его дѣятельности не „самодурство“, а „народность“. Только это слово можетъ быть ключомъ къ пониманію его произведеній. Всякое другое—какъ болѣе или менѣе узкое, болѣе или менѣе теоретическое, произвольное—стѣсняетъ кругъ его творчества. Всякимъ другимъ словомъ теорія какъ будто хочетъ сказать ему: „вотъ въ этой колеѣ ты намъ совершенно понятенъ, въ этой колеѣ мы тебя узакониваемъ, потому что въ ней ты идешь къ той цѣли, которую мы предписываемъ жизни. Дальше не ходи. Если ты прежде пытался ходить—мы тебя, такъ и быть, прощаемъ: мы наложимъ на твою дѣятельность мысль, которую мы удачно сочинили для ея поясненія, и обрѣжемъ или скроемъ все, что выходитъ изъ подъ ея уровня!“

Чѣмъ же объяснить это, какъ не тѣмъ, что теоретики искали слова для загадочнаго явленія, нашли его по крайнему разумѣнію, и включили Островскаго въ область фактовъ, поясняющихъ и подтверждающихъ ихъ начала? Что касается до эстетиковъ, они хвалили Островскаго за литературное поведеніе, съ большимъ вкусомъ—хотя не самостоятельно—указали на блестящія его стороны, да тѣмъ и ограничились. Явленіе же само осталось неразгаданнымъ, необъясненнымъ, почти-что такимъ же, какимъ оно было лѣтъ за восемь назадъ. Ни значеніе, ни особенность поэтической дѣятельности автора „Грозы“ нисколько не опредѣлились, да и не могли опредѣлиться при такомъ возрѣніи, которое видѣло не міръ, художникомъ создаваемый, а міръ, заранѣе начертанный теоріями, и судило міръ художника не по законамъ, въ

существовѣ этого міра лежащимъ, а по законамъ, сочиненнымъ теоріями.

Появленіе „Грозы“ въ особенности обличило всю несостоятельность теоріи. Одними сторонами своими эта драма какъ будто и подтверждаетъ остроумныя идеи автора „Темнаго царства“, но зато съ другими сторонами ея теорія рѣшительно не знаетъ, что дѣлать; онѣ выбиваются изъ ея узкой рамки, онѣ говорятъ совершенно не то, что говорить теорія.

И вотъ, въ маломъ видѣ повторяется для мыслящаго наблюдателя вышеупомянутая мною сцена изъ Komedja nieboska: кто, въ яромъ увлеченіи теоріей, гнетъ и ломаетъ всѣ отношенія драмы, чтобы сдѣлать изъ нея сатиру; кто, какъ рецензентъ „Русской Газеты“, лавируя между Сциллою и Харибдою, между теоріею и жизнію, не можетъ дать никакого органическаго единства своимъ взглядамъ: кто, наконецъ—есть и такіе—винить чуть-что не въ безнравственности чистое созданіе художника. И—où la vérité va-t-elle se nicher?—только въ какомъ-то листкѣ, въ какомъ-то мало кому извѣстномъ „Театральномъ и музыкальномъ Вѣстникѣ“, вслѣдъ за представленіемъ „Грозы“, является горячая, полного вѣрнаго пониманія и глубокаго сочувствія статья, чуждая всякихъ теорій, относящаяся къ жизни, какъ къ жизни. Странные факты! Но не скажу: горестные факты.

Теоріи все-таки къ чему-нибудь ведутъ и самую свою несостоятельностью раскрываютъ намъ шире и шире значеніе таинственной нашей жизни... Оказалась узка одна—явится другая. Одна только праздная игра въ мысль и самоуслажденіе этою игрою—незаконны въ наше кипящее тревожными вопросами время. Теоретикамъ можно пожелать только нѣсколько побольше религіозности, т.-е. уваженія къ жизни и смиренія передъ нею, а въдъ эстетикамъ, право, и пожелать-то нечего!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ПОПЫТКИ РАЗРЪШЕНІЙ.

I.

Не знаю, насколько удачно, — но во всемъ предшествовавшемъ письмѣ я стремился доказать, что Островскій и его дѣятельность въ 1859 году, *несмотря* на остроумныя выкладки г.—бова и *вслѣд-*

stwie малоостроумныхъ, но зато послѣдовательныхъ итоговъ, подведенныхъ подъ выкладками юными послѣдователями новаго учителя, остаются такимъ же, еще необъясненнымъ, еще загадочнымъ явленіемъ, какимъ они были въ 1852 или 1853 годахъ.— Чтобы быть совершенно искреннимъ и безпристрастнымъ въ отношеніи къ разсматриваемому мною дѣлу, я долженъ доказать то, чего не доказалъ въ предшествовавшемъ разсужденіи, а именно: что дѣятельность Островскаго сама представляется какъ будто раздвоенною, что Островскій въ „Бѣдной невѣстѣ“, въ „Не такъ живи, какъ хочется“ положительно не подходитъ *никакими* своими сторонами подъ начала теоріи г.—бова, и что Островскій въ комедіяхъ: „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, „Доходное мѣсто“, „Не сошлись характеромъ“, „Воспитанница“, — наконецъ, въ самой „Грозѣ“ многими сторонами какъ-будто вызвалъ теорію о „темномъ царствѣ“, и что—опять повторяю—только крайняя искренность и горячая смѣлость послѣдователей г.—бова могла такъ рано обличить несостоятельность теоріи.

Другими словами, обличеніе во внутренней, бытовой сторонѣ нашей жизни міра самодурства, тупоумія, забитости и проч., неприложимое нисколько къ первому разряду исчисленныхъ драматическихъ произведеній, прилагается съ большимъ успѣхомъ ко второму. Я думаю даже такъ, что г.—бовъ, хотя и односторонне, но логически вѣрно вывелъ теорію изъ внимательнаго изученія многихъ и притомъ весьма яркихъ сторонъ второго разряда комедій, и потомъ, увлеченный страстью къ логическимъ выводамъ *quand tême*, вопреки самой жизни, подвелъ подъ логическій уровень и комедіи перваго разряда: иначе этого насилуванія и объяснить себѣ невозможно. Не предполагать же со стороны критика, т.—е. общественнаго разъяснителя, обязаннаго своимъ званіемъ искать серьезно правды и серьезно же передавать результаты своихъ исканій,—не предполагать же, говорю я, сознательную, намѣренную уловку, деспотическое желаніе заставить жизнь и ея явленія жить, на зло ихъ собственному существу, по законамъ теоріи? Или ужъ всѣ теоретики по натурѣ—безсознательно деспоты, и обо всякомъ изъ нихъ можетъ быть сказано въ извѣстномъ отношеніи то, что Пушкинскій Мазепа говоритъ о Карлѣ XII-мъ:

Какъ полкъ, вертѣтся онъ судьбу
Заставитъ хотеть барабаномъ?

Видно такъ! По какъ бы то ни было, а передъ нами все-таки неразъясненное, даже—какъ кажется по приведенному мною раздѣленію слоевъ—раздвоенное, противорѣчащее само себѣ явленіе; передъ нами *дѣло*, переходившее нѣсколько инстанцій, въ каждой рѣшенное различнымъ образомъ, и само, повидимому, подавшее поводъ къ такимъ различнымъ рѣшеніямъ.

Что же это такое? Въ самомъ ли дѣлѣ Островскій, начиная съ комедіи „Въ чужомъ пиру похмелье“, идетъ инымъ путемъ, а не тѣмъ, которымъ онъ пошелъ послѣ первой своей комедіи, въ „Бѣдной невѣстѣ“ и другихъ произведеніяхъ? И который изъ этихъ двухъ путей указывало ему его призваніе, *если* два пути дѣйствительно были (а они, эти два пути, являются необходимо, *если* только принять за объясненіе дѣятельности Островскаго теорію г.—бова)? И въ которомъ изъ двухъ первыхъ, равно капитальныхъ произведеній Островскаго, равно широко обнимающихъ изображенные въ нихъ міры,—въ „Свои люди—сочтемся“, или въ „Бѣдной невѣстѣ“ выразилось въ особенности призваніе Островскаго, его задача, его художественно-общественное слово? И наконецъ, точно ли есть въ дѣятельности нашего перваго и единственнаго народнаго драматурга раздвоеніе?.. Вотъ вопросы, которые необходимо требуютъ разрѣшенія,—а между тѣмъ нисколько не разрѣшены, а скорѣе запутаны теоріей публициста „Современника“, и безъ разрѣшенія которыхъ Островскій остается, повторяю опять, все-таки загадочнымъ, непонятнымъ явленіемъ, какъ въ тѣ дни, когда выраженіе—„новое слово“, употребленное нашимъ покорнѣйшимъ слугой по поводу „Бѣдной невѣсты“, возбуждало такія глумленія въ петербургскихъ критикахъ.

II.

Дѣятельность Островскаго начинается собственно съ 1847 года. Для полноты моихъ критическихъ очерковъ, привожу перечень всего имъ написаннаго до комедіи „Въ чужомъ пиру похмелье“, какъ грани второй полосы его развитія, въ хронологическомъ порядкѣ.

1) *Семейная картина*. Напечатана въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ 1847 г., перепечатана безъ перемѣнъ въ полномъ собраніи сочиненій 1859 г. Въ этой же, только годъ издававшейся, газетѣ, напечатана сцена изъ комедіи: „Свои люди—сочтемся“,

носившей тогда названье: „Банкрутъ“, сцена, подписанная буквами А. О. и Д. Г. буквами, подавшими впоследствии поводъ къ жалкой исторіи, не малое время срамившей нѣкоторые журналы и газеты.

2) *Очерки Замоскворѣчья*, небольшой рассказъ въ „Моск. Городскомъ Листкѣ“ 1847 г., не вошедшій, къ сожалѣнію, въ полное собраніе сочиненій 1859 г.

3) *Свои люди—сочтемся*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ „Москвитянинѣ“ 1850 г. и отдѣльной книжкой. Напечатана съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіемъ конца (весьма неудачнымъ, кромѣ прибавки одной, яркой и въ высшей степени знаменательной, черты въ характерѣ Лазаря) въ полномъ собраніи сочиненій.

4) *Утро молодого человека*, въ „Москвитянинѣ“ 1850 г. Перепечатано безъ перемѣнъ въ полномъ собраніи сочиненій.

5) *Неожиданный случай*, сцены, — въ альманахѣ „Комета“ 1851 г. Не вошло въ собраніе сочиненій.

6) *Бѣдная невѣста*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, — въ „Москвитянинѣ“ 1852 г. Перепечатана въ первомъ томѣ сочиненій.

7) *Не въ свои сани не садись*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, — въ „Москвитянинѣ“ 1853 г. и въ 1-мъ томѣ сочиненій.

8) *Бѣдность не порокъ*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, напечатана безъ перемѣнъ во 2-мъ томѣ сочиненій.

9) *Не такъ живи, какъ хочется*, народная драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ „Москвитянинѣ“ 1855 года. Перепечатана во 2-мъ томѣ сочиненій, съ небольшими, но весьма интересными для мыслящаго критика поправками, обличающими странную шаткость отношеній поэта къ своему, можетъ быть любимому, но почему-то невыносившемуся дѣтищу.

На этомъ произведеніи я пока останавливаюсь. Здѣсь грань всего несомнѣннаго. За „Не такъ живи, какъ хочется“, т.-е. съ комедіи „Въ чужомъ пиру похмелье“, начинается область спорнаго.

Самое первое изъ этихъ исчисленныхъ мною, большихъ и небольшихъ, болѣе или менѣе удачныхъ, произведеній носило на себѣ яркую печать самобытности таланта, выразившейся и 1) въ новости быта, выводимаго поэтомъ и до него вовсе непочатаго, если исключить нѣкоторые очерки Луганскаго и Вельтмана („Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго“), очерки, набросанные этими даровитыми писателями, такъ сказать, вскользь, мимоходомъ, и 2) въ повости отношеній автора къ дѣйствительности

вообще, къ изображенному имъ быту и къ типамъ изъ этого быта въ особенности, и 3) въ новости манеры изображенія, и 4) въ новости языка, въ его цвѣтистости, особенноти.

Изо всего этого поваго, что съ первой минуты своего появленія въ литературѣ приносилъ съ собою нашъ драматургъ, критика въ состояннн была, да и теперь еще паходится, понять только новость быта, который онъ изображалъ. „Семейная картина“, самое первое, но одно изъ оконченнѣйшихъ произведеній Островскаго, прошла при появленнн своемъ почти что незамѣченною, да и не мудрено: она и въ полномъ собраннн сочиненій, напечатанномъ весьма разгонистымъ шрифтомъ, занимаетъ немного болѣе полутора печатнаго листа. Еще менѣе замѣчена была новость отношеній къ дѣйствительности, отношеній, радикально противоположныхъ тѣмъ сентиментально-желчно-болѣзненнымъ отношеніямъ, которыя свирѣпствовали тогда въ произведеніяхъ петербургской натуральной школы, въ маленькомъ разсказѣ. „Очерки Замоскворѣчья“, единственномъ произведеннн, вылившемся у Островскаго не въ драматической формѣ. Появленн комедн „Свои люди—сочтемся“, какъ событіе слишкомъ яркое, выдвигавшееся далеко изъ ряда обычныхъ, надѣлало много шуму, но не вызвало ни одной дѣльной критической статьи. Комедн изумила критику, и комическое отношенн критики къ комедн изображено смѣлыми, остроумными, хотя и рѣзкими чертами въ оригинальной шуткѣ Эраста Благодравова: „Сонъ по случаю одной комедн“¹⁾. Въ этой шуткѣ, написанной со всѣмъ благороднымъ пыломъ юности, со всѣмъ увлеченіемъ правды, въ шуткѣ, взбѣсившей до нельзя тогдашнюю критику—высказанъ былъ впервые даровитымъ критикомъ-юмористомъ глубоко вѣрный взглядъ на различіе новаго таланта, появившагося въ нашей литературѣ, отъ таланта Гоголя. Позволяю себѣ привести изъ замѣчательной, не позабытой, но затерявшейся въ старомъ журналѣ шутки—существенно важное мѣсто, относящееся къ этому различію. Шутка Эраста Благодравова сама наисана въ драматической формѣ; въ лицахъ разговаривающихъ въ ней, выведены тогдашнн направленія и оттѣнки направленій. Молодому человѣку, представителю крайности увлеченія новымъ произведеніемъ, знатокъ западныхъ лите-

¹⁾ *Эрастъ Благодравовъ* — псевдопимъ Б. Н. Алмазова. „Сонъ по случаю одной комедн“ напечатанъ въ „Москвитяннн“ 1851 г. (№ 9).

ратуръ говорить: „Ну, какъ вамъ угодно, а изъ вашихъ неумѣренныхъ похвалъ автору *новой комедіи* я замѣчаю, что вы къ нему пристрастны и что вы недоброжелатель Гоголя“.

Молод. чел. Странно, что вы замѣчаете изъ моихъ словъ совершенно противоположное тому, что слѣдуетъ изъ нихъ замѣтить. Я думаю, изъ моихъ словъ скорѣе можно замѣтить, что я пристрастенъ къ Гоголю, а не врагъ ему. Да (повѣрьте моей искренности), я пристрастенъ къ Гоголю. Я люблю его произведенія больше произведеній автора *новой комедіи*, я имъ больше сочувствую, чѣмъ сочувствую *новой комедіи*; но это дѣло моего личнаго вкуса. Вслѣдствіе чего именно я такъ пристрастенъ къ Гоголю, и самъ хорошепекъ не знаю. Можетъ, это происходитъ отъ того, что я, какъ и всѣ русскіе юпошп одного со мною поколѣнія, воспитанъ па Гоголѣ. Когда я только-что началъ жить сознательно, когда во мнѣ только-что пробудилось эстетическое чувство, первый поэтъ, на голосъ котораго откликнулось мое сердце, былъ Гоголь. Можетъ быть, я ему сочувствую больше, чѣмъ автору *новой комедіи*, и потому, что уже отъ природы я къ тому наклоненъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что настроеніе моего духа, мое міросозерцаніе—Гоголевское, и потому-то чтеніе Гоголя мнѣ доставляетъ гораздо больше наслажденія, чѣмъ чтеніе *новой комедіи*. Но въ то же время авторъ ея представляетъ мнѣ осуществленіе того идеала художника, о которомъ я давно мечталъ. Гоголь, въ моихъ глазахъ, не подходитъ подъ этотъ идеалъ. Давно я мечталъ о такомъ художникѣ, давно я просилъ Бога послать намъ такого поэта, который бы изобразилъ намъ человѣка совершенно объективно, совершенно искренно, математически вѣрно дѣйствительности. И вотъ такой поэтъ явился. Признаюсь откровенно, что, услыхавъ въ первый разъ *новую комедію*, я очень больно себя ушибнулъ, дабы увѣриться, сплю я или нѣтъ, во снѣ или на яву слушаю комедію до такой степени натуральную, во снѣ или па яву вижу передъ собой такого художника, котораго давно ожидала вселенная, по которомъ давно тосковала она.

(Хоръ пристально смотритъ на молодого человека).

Прохожій. Мнѣ кажется, молодой человѣкъ, что характеристика Гоголя, которую вы здѣсь представили, не полна, односторонняя. Дѣйствительно, поэзія Гоголя *изобилуетъ того рода художественными гипербалами и тѣмъ лирическимъ юморомъ*, о которомъ вы распространялись. Въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ. Но развѣ въ этомъ юморѣ, въ этихъ гиперболахъ весь Гоголь? Развѣ поэзія его постоянно преувеличиваетъ дѣйствительность? Развѣ Гоголь не умѣетъ рисовать дѣйствительность вѣрно, такъ, какъ она есть? Вспомните, сколько создано имъ лицъ, у которыхъ ни въ характерѣ, ни въ разговорѣ, вы не найдете ни малѣйшей утрировки. Вспомните Осипа, Тараса Бульбу, Андрія,

Акакія Акакіевича; вспомните, что у Гоголя есть даже цѣлыя повѣсти, въ которыхъ дѣйствующія лица всѣ до одного нарисованы съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и необыкновенною вѣрностью, безъ малѣйшей тѣни преувеличенія; вспомните *Коляску*, вспомните *Старосветскихъ помѣщиковъ*. Итакъ, согласитесь со мной, что талантъ Гоголя состоитъ не только въ умѣнн утрировать и въ лирическомъ юморѣ, но и въ вѣрности изображенія дѣйствительности. Если вы согласитесь со мной въ этомъ пунктѣ, то должны будете согласиться со мной и въ томъ, что Гоголь выше автора *новой комедіи*. (*Молчаніе*). Вы сказали, что авторъ *новой комедіи* умѣетъ математически-вѣрно изображать дѣйствительность, а Гоголь выпукло выставяетъ людскую пошлость—художественно утрировать. Но—какъ теперь открылось изъ моихъ словъ—Гоголь, кромѣ того, умѣетъ такъ же, какъ и авторъ *новой комедіи*, вѣрно изображать дѣйствительность, а авторъ *новой комедіи* умѣетъ только вѣрно изображать дѣйствительность, а утрировать не умѣетъ,—слѣдовательно знаетъ только одну штуку, слѣдовательно ниже Гоголя, который знаетъ двѣ штуки.

Молод. человекъ. Вы отчасти правы. Дѣйствительно, у Гоголя создано много такихъ лицъ, въ которыхъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, которыя вѣрны дѣйствительности, но все-таки дѣйствующія лица *новой комедіи* вѣрнѣе ихъ дѣйствительности; они конкретнѣе, они еще болѣе похожи на людей, чѣмъ лица, созданныя Гоголемъ. Они, въ отношеніи своей живости и конкретности, относятся къ героямъ Гоголя, какъ картина, нарисованная красками, относится къ картинѣ, нарисованной тушью.

Всѣ. Въ чемъ же состоитъ эта конкретность дѣйствующихъ лицъ *новой комедіи*?

Молод. человекъ. Въ ихъ языкѣ. Вспомните, какимъ языкомъ говорятъ даже тѣ лица Гоголя, которыя не утрированы. Неужели у него лакеи говорятъ *точь-въ-точь* такимъ языкомъ, какимъ говорятъ лакеи; купцы—*точь-въ-точь* такимъ языкомъ, какимъ говорятъ купцы, и т. д.? Содержаніе ихъ рѣчей, ихъ мысли совершенно приличны каждому изъ нихъ, но имъ дана не самая оболочка, которую они должны имѣть. Въ ихъ языкѣ мало выражаются особенности сословій. Они такъ же говорятъ не своимъ языкомъ, какъ не своимъ языкомъ говорятъ дѣйствующія лица *Каменнаго гостя* Пушкина. Языкъ ихъ переводный... Кстати замѣчу здѣсь, что и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина дѣйствующія лица говорятъ не своимъ языкомъ. Примѣромъ тому служатъ *Борисъ Годуновъ* и *Каменный Гость*.

Хоръ. Что же, по вашему мнѣнію, вѣрнѣе природѣ: *новая комедія* или *Каменный гость*?

Молод. человекъ. Разумѣется, *новая комедія*. *Каменный Гость* во-первыхъ, уже потому хуже *новой комедіи*, что въ немъ есть несообразности, которыхъ въ ней нѣтъ. Такъ въ немъ является и говоритъ статуя командора, а статуя вѣдь ходитъ и говоритъ

не можетъ; кромѣ того въ ней еще тотъ недостатокъ, что дѣйствующія лица не конкретны въ отношеніи къ языку. Ихъ языкъ можно перевести по-каковски вамъ угодно, и они отъ этого ничего не потеряютъ. *Новая же комедія* непереводима.

Хоръ. Ну, а Шекспира можно переводить?

Молод. человекъ. Можно; но отъ того его произведенія и ниже *новой комедіи*.

Хоръ. Что-о-о?

Молод. человекъ. Ничего. (*Скрывается.*)

Хоръ. Вотъ каковы нынче молодые люди!

Любитель Славянскихъ древностей. Вотъ до чего довела ихъ натуральная школа!

Не смотря на то, что Эрастъ Благодравовъ предупреждалъ читателей, что онъ не раздѣляетъ всѣхъ убѣжденій, которыя высказываютъ дѣйствующія лица его фантазіи, даровитая шутка привела тогдашнюю критику въ совершенное остервенѣніе. Но, какъ сначала ни недоумѣвала, какъ, по появленіи шутки Эраста Благодрава, ни остервенилась критика, все-таки она должна была согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ. Она признала (добрая, великодушная критика!), что явился новый талантъ, сильный, свѣжій и наиболѣе близкій къ таланту, нынѣ давно уже спящему въ могилѣ, къ таланту первенствовавшему тогда по всѣмъ правамъ. Бѣдная критика! Вотъ именно въ этомъ-то, въ этой-то близости къ Гоголю, она тогда ошиблась и ошибается *даже до сего дне*; въ этомъ-то таился тогда и таится *даже до сего дне* источникъ всѣхъ ея недоразумѣній, натяжекъ и теорій.

„Новое слово“ ускользнуло отъ опредѣленій старой критики, ускользнуло сначала—и съ этого-то пункта началась настоящая исторія новаго литературнаго явленія.

Комедію „Свои люди—сочтемся“ критика еще могла какъ-нибудь, хотя и съ великими натяжками, связать съ мудрыми заключеніями своими обо всемъ предшествовавшемъ въ литературѣ и съ еще болѣе мудрыми гаданіями на счетъ будущаго. Вся послѣдующая дѣятельность Островскаго такъ уходила изъ подъ этихъ заключеній, какъ расколы изъ подъ общей византійской нормы, и иневоля должна была разсердить критику, задѣть больныя ея мѣста, коснуться самыхъ ветхихъ ея построекъ.

И критика стала въ очевидно комическое положеніе къ новому явленію. Появилась „Бѣдная невѣста“, а она ждала совсѣмъ не того послѣ комедіи „Свои люди—сочтемся“. Еще прежде Остров-

скій разсердилъ критику отсутствіемъ всякой жёлчи, всякой рѣзости липій, всякой выпуклости въ маленькихъ, простенькихъ, и, надо сказать правду, весьма милыхъ сценахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Неожиданнаго случая“,—отъ которыхъ совершенно на-расно отрекся авторъ, издавая полное собраніе своихъ сочиненій... Эту безпритязательно-простую, и между тѣмъ психологически-тонкую шутку даровитаго человѣка критика встрѣтила воплями на безцвѣтность выведенныхъ въ ней характеровъ, упрекала за слабость пружинъ, двигающихъ въ ней отношенія, или, въ переводѣ на прямой языкъ, осердилась на то, что отношенія сами по себѣ легкія художникъ очеркнулъ легко, характеры безосновные и бессодержательные изобразилъ въ ихъ безосновности и бессодержательности, не выдумалъ гиерболическаго узла, не отнесся съ ядовитою насмѣшкою къ такимъ беззлобнымъ и безкровнымъ существамъ, какъ выведенные имъ Розовый и Дружининъ.

Но съ появленія „Бѣдной невѣсты“ критика положительно стала сердиться на лица, выводимыя поэтомъ, на манеру отношеній поэта къ изображаемому имъ быту, т.-е. на самый бытъ, гостеприимно растворившій передъ нею свои широкія двери въ созданія поэта. Критика постоянно становилась то въ иоложеніе Мерича или даже Милашина, то въ положеніе Виктора Аркадьевича Вихорева и жены Маломальскаго, или даже тетушки, набравшейся въ Таганкѣ образованія. Становясь на ихъ точки зрѣнія, она винила Хорькова въ *неблагородствъ* поступковъ; Русакова и Бородкина хотѣла увѣрнить, что они не существуютъ, или по крайней мѣрѣ, существовать не должны.

„Бѣдность не порокъ“, самая смѣлая, хотя и не самая оконченная изъ драмъ Островскаго, озлобила дряхлую критику, озлобила и на *друга* ея, Гордѣя Карповича, и на *врага* ея, Любима Торцова. Гордѣй Карповичъ—каковъ онъ ни на есть—все-таки представитель стремленій къ *образованію*, все-таки въ нѣкоторомъ родѣ человѣкъ, стремящійся выйти изъ *рубало* и критикъ совершенно непонятнаго быта, желающій „всякую моду подражать“. Любимъ Карповичъ въ глазахъ критики былъ только пьяница—и ничего больше. Его стремленій выйти изъ „метеорскаго“ званія, войти снова въ семью, имѣть честный кусокъ хлѣба, жить по-божески, по-земски; его раскаянія, его порывовъ—критика не хотѣла и не могла оцѣнить: трагическая сторона его положенія отъ нея ускользнула. На Митю критика осердилась за

то, что Богъ создалъ его съ даровитою, нѣжною и простой душою,—Любовь Гордѣвну опять обвинила за отсутствіе личности, какъ прежде Марью Андреевну. На второй актъ комедіи озлобилась критика за то, что авторъ безъ церемоніи ввелъ публику въ самый центръ нравовъ, обычаевъ, веселья того быта, который онъ изображаетъ, ввелъ съ любовью, съ благоговѣніемъ къ святынь народной жизни.

Ложное положеніе критики дошло до крайности при появленіи драмы „Не такъ живи, какъ хочется“. Сколь ни стоитъ здѣсь выполненіе ниже геніальнаго замысла, все-таки замыселъ просвѣчиваетъ въ скудномъ очеркѣ выполненія, и замыселъ этотъ уже совершенно былъ непонятенъ критикѣ. Кромѣ того, критика начала изъяслять неудовольствіе на языкъ, или, по ея выраженію, на *жаргонъ*, которымъ писаны драмы Островскаго. Она и въ самомъ дѣлѣ наивно была увѣрена, что языкъ въ комедіяхъ Островскаго—мѣстный провинціализмъ, странность, нѣчто въ родѣ пейзажнаго жаргона, употребляемаго, на примѣръ, Мольеромъ въ „Le Médecin malgré lui“, въ „Le festin de Pierre“ и другихъ пьесахъ. Чего-жь бы хотѣла критика? Чтобы лица драмъ Островскаго говорили не языкомъ ихъ быта? Да вѣдь это противорѣчило бы эстетическимъ положеніямъ всякой критики, даже и той, о которой въ настоящую минуту мною припоминается, да и Островскій притомъ художникъ такого рода, которому типы, при самомъ ихъ созданіи, предстаются не иначе, какъ съ своимъ языкомъ каждый: иначе для него типъ и немислимъ.

Съ неудовольствіемъ на жаргонъ драмъ Островскаго тѣсно связано было неудовольствіе па самый бытъ, имъ изображаемый. Собственно, критика сама не знала, чего хотѣла; при появленіи „Бѣдной невѣсты“ раздались ея сѣтованія, что Островскій оставилъ бытъ, который онъ такъ мастерски изображаетъ; потомъ она вопіяла на то, что этотъ бытъ говоритъ своимъ языкомъ, имѣетъ свои, сій невѣдомые нравы, представляетъ свои типы, которые она не желала видѣть выводимыми, и въ несуществованіи которыхъ она такъ жарко хотѣла убѣдить и себя и другихъ. *Непереносимъ* былъ ей этотъ бытъ—употребляя выраженіе комедіи Островскаго—*непереносимъ* его языкъ, *непереносимы* его типы; вотъ и вся разгадка. Не было критикѣ дѣла ни до какихъ эстетическихъ вопросовъ.

„Новое слово!“—употребляю теперь съ нѣкоторою гордостью это выраженіе, высокопарность котораго выкуплена легкомыслен-

нымъ или недобросовѣстнымъ посмѣяніемъ, которому оно подверглось,—вотъ коренная, основная причина негодованія старой критики на писателя, которому, по всему праву, по общему признанію массы, принадлежитъ, несмотря на его недавнее появленіе, несмотря на многіе недостатки, несомнѣнное первенство во всей драматической нашей литературѣ ¹⁾.

Съ 1847 до 1855 года (я беру пока все еще одну *первую* эпоху дѣятельности Островскаго) Островскій написалъ всего только 9 произведеній, и изъ нихъ только пять значительныхъ по объему и шесть по содержанію;—только четыре изъ нихъ давались на театрѣ, но эти четыре, безъ церемоніи говоря, *создали* народный театръ; частью создали, частью выдвинули впередъ артистовъ, пробудили общее сочувствіе всѣхъ классовъ общества, измѣнили во многихъ взглядъ на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованія мы не подозрѣвали, и которые, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно существуютъ, съ отношеніями въ высшей степени новыми и драматическими, съ многоразличными сторонами русской души, и глубокими, и трогательными, и нѣжными, и разгульными сторонами, до которыхъ никто еще не касался. Право гражданства литературнаго получило множество яркихъ, опредѣленныхъ образовъ, новыхъ, живыхъ созданій въ мірѣ искусства,—и все это прошло безъ урока для критики. Талантъ уже породилъ толпу подражателей, и грубыя подражанія въ родѣ „Женѣ изъ Ножевой линіи“ ²⁾ печатались въ ея журналахъ, а она продолжала глумиться надъ новымъ словомъ таланта.

А между тѣмъ, новое слово Островскаго было ни болѣе, ни менѣе, какъ *народность*, слово собственно уже *старое*, ибо стремленія къ народности начались въ литературѣ нашей не съ Островскаго, но дѣйствительно *новое*,—потому что въ его дѣятельности опредѣлилось оно точнѣе, яснѣе и проще, хотя, безъ сомнѣнія, еще не окончательно.

III.

Я знаю очень хорошо, что слово *народность*, хоть оно, слава Богу, и не мною придумано, загадочнаго явленія еще не объ-

¹⁾ „Новое слово“—выраженіе пущенное въ оборотъ самимъ Григорьевымъ по поводу первыхъ комедій Островскаго; оно было подхвачено крѣпкой и долго служило поводомъ для различныхъ пасмѣшекъ и эпиграммъ (срв., напр., эпиграммы Щербини).

²⁾ Комедія Красовскаго, напечатанная въ „Современникѣ“. *Примѣч. В. С.*

ясняетъ; во-первыхъ, потому, что оно слишкомъ широко, а во-вторыхъ, и потому, что само еще требуетъ объясненія. Вѣдь и сатирикъ можетъ быть народенъ, да еще какъ! Примѣръ—въ великомъ поэтѣ Аристофанѣ, великомъ поэтѣ, которому не оставалось быть ничѣмъ инымъ, какъ только сатирикомъ посреди жизни, когда-то цѣльной и прекрасной, въ его время разлагавшейся; примѣръ—въ Грибоѣдовѣ, великомъ и страстномъ поэтѣ, которому еще не во что было вкоренить идеалы души, который былъ отторгнуть общимъ развитіемъ верхнихъ слоевъ общества отъ почвы, отъ народа, и тѣмъ же самымъ развитіемъ высоко поставленъ надъ поверхностью этихъ верхнихъ слоевъ общества...

Положимъ, что я выразился яснѣе: я народность противоположилъ чисто-сатирическому отношенію къ нашей внутренней, бытовой жизни,—слѣдовательно, и подъ народностью въ Островскомъ разумѣлъ объективное, спокойное, чисто-поэтическое, а не напряженное, не отрицательное, не сатирическое отношеніе къ жизни. Положимъ, что я прежде всего успѣшилъ высказать, что и творчество, и строй отношеній къ жизни, и манеру изображенія, свойственныя Островскому, считаю я совершенно различными отъ таковыхъ же Гоголя. Все-таки народность—понятіе очень широкое и тѣмъ менѣе объясняющее дѣло начисто, что наши собственные отношенія къ самому этому понятію, т.-е. къ народности, весьма шатки и неопредѣленны. Да вдобавокъ еще, народность—„брызное“ слово, т.-е. не въ смыслѣ ругательнаго слова, а въ смыслѣ слова битвы, лозунга брани,—битвы, кажется, единственной въ лѣтописяхъ умственныхъ браней челоуѣчества. Въ Германіи только разъ, въ краткій періодъ, который называется Sturm und Drang, въ который Клопштокъ и его друзья возобновляли клятвы древнихъ германцевъ передъ Ирминовымъ дубомъ, тамъ только мысль отстаивала народность своего народа; но вѣдь тамъ это скоро и кончилось, а у насъ вопросу о народности и конца какъ-то не предвидится. Не за то мы въ немъ боремся, за что боролись Клопштокъ и его друзья; тѣ свое дѣло скоро и отстояли, потому что дѣло-то самое была борьба не за сущность народной жизни, а противъ условныхъ формъ чужеземнаго французскаго искусства. Кабы наше дѣло было такое же, мы бы давно его выиграли и сдали въ архивъ. Да не такое оно—это наше дѣло. Вѣдь даже клятвы передъ Ирминовымъ дубомъ представляютъ только внѣшнее сходство съ ношеніемъ нѣкоторыми изъ насъ народной, да

еще старой народной одежды: глубже и существеннѣе основы самого внѣшняго нашего донкихотства, такъ что рукѣ тяжело подняться и даже назвать донкихотствомъ то, что внутренно считаешь почти необходимымъ, хотя и внѣшнимъ... Тяжелый вопросъ для насъ всѣхъ эта народность, вопросъ чрезвычайно мудреный и какъ жизнь сама—ироническій. Вѣдь вы посмотрите,—я не хочу еще пока залѣзать въ глубь, указывать на то, чѣмъ онъ начинался и чѣмъ кончается,—вы посмотрите на то, что вокругъ насъ, что теперь дѣлается. „Русскій Вѣстникъ“, нѣкогда точившій ядъ на народность, съ теченіемъ временъ становился все милостивѣе и милостивѣе къ вопросу о народности, а по выдѣленіи изъ его центрального единства кружка, основавшаго „Атеней“¹⁾ и павшаго (но увы! не со славою, а безъ славы) вмѣстѣ съ знаменитыми положеніями о томъ, что „австрійскій солдатъ является цивилизаторомъ славянскихъ земель“,—все болѣе и болѣе лишался своего антинаціональнаго цвѣта, и нынѣ, къ немалому удивленію всѣхъ насъ, поборниковъ народности въ жизни, искусствѣ и наукѣ,—печатаетъ лирическія выходки въ пользу народности Ник. Вас. Берга, и отстаиваетъ развѣ только свою нелюбовь къ русской одеждѣ, да и то, я думаю, чтобы не совсѣмъ отступить отъ своего первоначальнаго цвѣта. Почему не ожидать, послѣ этого, обращенія къ народности автора статей объ Обломовщинѣ и о Темномъ царствѣ? „Ничего! можно!“ какъ говоритъ Антипъ Антипычъ Пузатовъ.

Но прежде всего, не для васъ, а для читающей публики, долженъ я точнѣе опредѣлить смыслъ, въ которомъ принимаю слово: народность литературы.

Какъ подъ именемъ народа разумѣтся народъ въ обширномъ смыслѣ и народъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ, равнобѣрно, и подъ народностью литературы.

Подъ именемъ народа въ обширномъ смыслѣ разумѣтся цѣлая народная личность, собирательное лицо, слагающееся изъ чертъ всѣхъ слоевъ народа, высшихъ и низшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, слагающееся, разумѣтся, не механически, а органически, носящее общую, типическую, характерную фізіономію, физическую и нравственную, отличающую его

¹⁾ „Атеней“—журналъ издававшійся въ 1858—59 гг. въ Москвѣ Евг. Коршемъ и принадлежавшій къ крайнему западническому направленію.

отъ другихъ, подобныхъ ему собирательныхъ лицъ. Что такая личность слагается органически, а не механически, это я, кажется, напрасно и прибавилъ. Государства, какъ Австрія, могутъ слагаться механически, народы—никогда: они могутъ быть плохіе народы, но никогда не бываютъ сочиненные народы.

Подъ именемъ народа въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется та часть его, которая наиболѣе, сравнительно съ другими, находится въ непосредственномъ, неразвитомъ состояніи.

Литература бываетъ народна въ обширномъ смыслѣ, когда она, въ своемъ *міросозерцаніи* отражаетъ взглядъ на жизнь, свойственный *всему* народу, опредѣлившійся только съ болѣею точностью, полнотою и, такъ-сказать, художественностью въ передовыхъ его слояхъ; въ *типахъ*—разнообразные, но общіе, присущіе общему сознанию, сложившіеся цѣльно и полно тѣпы или стороны народной личности; въ *формахъ*—красоту по народному пониманію, выработавшемуся до художественности представленія, будь это красота греческая, итальянская, фламандская, все равно; въ *языкѣ*—весь общій языкъ народа, развившійся на основаніи его коренныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ, слѣдовательно не языкъ *касты*, съ одной стороны, и не языкъ *мѣстностей*—съ другой. Чтобы не оставить и малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, должно прибавить, что подъ передовыми слоями народа разумѣю я тоже не касты и не слои, случайно выдвинувшіеся, а верхи самобытнаго народного развитія, ростки, которые сама изъ себя дала жизнь народа.

Въ тѣсномъ смыслѣ, литература бываетъ народна, когда она, или 1) приноровляется къ взгляду, понятіямъ и вкусамъ неразвитой массы для ея воспитанія, или 2) изучаетъ эту массу, какъ *terram incognitam*, ея нравы, понятія, языкъ, какъ нѣчто особенное, диковинное, чудное, ознакомливая со всѣмъ этимъ особеннымъ, чуднымъ развитіемъ и, можетъ-быть, пресытившіеся развитіемъ слои. Во всякомъ случаѣ, въ томъ или въ другомъ, существованіе такого рода народной литературы предполагаетъ историческій фактъ разрозненности въ народѣ, предполагаетъ то обстоятельство, что народное развитіе шло не путемъ общимъ, цѣльнымъ, а раздвоеннымъ.

Перваго рода народность есть то, что на точномъ и установившемся языкѣ цивилизаціи зовется *nationalité*; второго рода то, что на немъ же въ не слишкомъ давнія времена получило опредѣленный терминъ: *popularité, littérature populaire*.

Въ первомъ смыслѣ, народность литературы, какъ національность, является понятіемъ безусловнымъ, въ самой природѣ лежащимъ.

Во второмъ, народная литература, какъ *littérature populaire*, есть нѣчто относительное, нѣчто, обязанное своимъ происхожденіемъ болѣзненному въ извѣстной степени состоянію общественнаго организма, и притомъ—вовсе не искусство, которое прежде всего свободно и никакихъ внѣшнихъ, поучительныхъ, воспитательныхъ, научныхъ и социальныхъ цѣлей не допускаетъ. Народная литература въ этомъ, т.-е. въ тѣсномъ смыслѣ, относится не къ художеству, а къ педагогикѣ, или естественной исторіи.

Опредѣленія эти, какъ вы видите, просты и ясны въ ихъ логической постановкѣ. Но опять-таки, логическая постановка—не жизненная постановка. Въ жизни нашей, они, эти простыя опредѣленія, страшно запутались. Повидимому, нечего бы, кажется, и доказывать простую истину, что литература всякая, а слѣдственно и наша, чтобы быть чѣмъ-нибудь, чтобы не толочь воду, не толкаться попусту, должна быть народна, т.-е. національна, равно какъ другія искусства, равно какъ наука, равно какъ жизнь,—а вѣдь къ этому результату, простому, какъ $2 \times 2 = 4$, мы только-что понемногу приходимъ послѣ многихъ п, надобно признаться, безобразныхъ споровъ о томъ, что $2 \times 2 = 4$, а не стеариновая свѣчка.

Съ другой стороны, дѣло въ высшей степени простое и ясное, что *народная* литература въ тѣсномъ смыслѣ является или вслѣдствіе пресыщенія цивилизаціей, какъ крестьянскіе романы Занда, деревенскіе рассказы Ауэрбаха, и въ XIX вѣкѣ служитъ отчасти повтореніемъ стремленій Жанъ-Жака Руссо къ дикимъ,—или, какъ у насъ, есть выраженіе насущной потребности сблизить два разрозненныхъ развитія въ народномъ организмѣ.—Въ дѣйствительности, опять-таки это понятіе запуталось до того, что только безсердечные и безучастные къ жизни эстетики могутъ быть въ отношеніи къ нему послѣдовательны, могутъ отозваться съ высоты эстетическаго величія объ этой литературѣ, и въ ихъ эстетическомъ величіи выскажется для всякаго тупое равнодушіе къ великимъ вопросамъ жизни, если еще не что-либо худшее.

Вотъ тутъ подите и ставьте логическія опредѣленія, если вы человекъ изъ плоти и крови...

Ясно, напримѣръ, что, говоря о народности по отношенію къ Островскому, или объ Островскомъ, какъ о народномъ писателѣ,

я употребляю слова: народность, народный—въ смыслѣ словъ: національность, національный.

Но вѣдь на этомъ смыслѣ слова многіе не помирятся, п будутъ правы, что не помирятся. Островскій, скажутъ,—конечно, писатель, берущій содержаніе своей дѣятельности изъ извѣстнаго быта, народнаго въ тѣсномъ, а не въ обширномъ смыслѣ слова, быта *неразвитыхъ* слоевъ общества. Или, скажутъ миѣ далѣе, вы считаете Островскаго народнымъ писателемъ въ смыслѣ писателя изъ народнаго быта, или вы самый этотъ бытъ, изъ котораго Островскій беретъ содержаніе для своего творчества, зовете единственно, исключительно, по крайней мѣрѣ преимущественно, народнымъ.

IV.

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы прямо и положительно, я попрошу позволенія объпслѣдовать ихъ отрицательнымъ способомъ, какъ легчайшимъ для вразумленія, п спрошу: можно ли причислить Островскаго къ категоріи писателей изъ народнаго быта въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли называть такъ хоть-бы, напрімѣръ, гг. Григоровича, Потѣхпна и другихъ?

Изъ прямого сопоставленія дѣятельности Островскаго съ ихъ дѣятельностью очевидна окажется несообразность такого сопоставленія.

Писателей изъ народнаго быта, спеціально посвятившихъ себя воспроизведенію этого быта въ литературѣ, было у насъ до сихъ поръ два рода.

Одни (и это были первые выступившіе п наиболѣе прославившіеся), какъ-будто заѣзжіе иностранцы, представляли публикѣ свои записныя книжки, куда вносили чудныя, странныя рѣчи, описанія чудныхъ, странныхъ нравовъ, и т. д. Таковъ г. Григоровичъ, о которомъ въ наше время даже и критической статьи не напишешь, ибо все, что можно о немъ сказать дѣльнаго, выражается въ немногихъ словахъ; то, въ чемъ онъ большой мастеръ — изображеніе петербургской мелочной и суетной жизни и анализъ болѣзни нравственнаго лакейства — столь же мало стоило художественной разработки, какъ очерки жизни дамъ петербургскаго полусвѣта, предметъ постоянной и любимой дѣятельности другого, тоже даровитаго писателя, г. Панаева ¹⁾. Въ томъ

¹⁾ Нѣсколько позднѣе, Апол. Григорьевъ посвятилъ Грггоровичу особую статью, подъ выразительнымъ заглавіемъ: „Отживающія явленія нашей литературы: Д. В. Григоровичъ“ („Эпоха“, 1864 г., № 7). *Примѣч. В. С.*

же, что стоило художественной разработки, въ изображеніи типовъ и нравовъ крестьянскаго быта, г. Григоровичъ не только что не мастеръ, а рѣшительно заѣзжій иностранецъ. Онъ не владѣеть даже языкомъ синтаксически свободно, и единственная критика на него была бы—переводъ любой изъ его страницъ яко-бы *народныхъ* разговоровъ, на простой и свободный народный языкъ. Что касается до типовъ, то всѣ они сочинены по Жоржъ-Занду, да и вся-то дѣятельность г. Григоровича на этомъ поприщѣ пошла отъ Жоржъ-Занда. Тѣмъ только разнится отъ Занда г. Григоровичъ, что Занда всюду, даже въ самыхъ ложныхъ ея произведеніяхъ по этой части, занимаетъ человѣкъ, анализъ души человѣческой, а г. Григоровичъ—чисто-ландшафтный живописецъ, да и то не съ широкой кистью, и людскія фигурки у него большею частію поставлены для украшенія ландшафа. Прибавьте къ этому однообразную до противности *дѣланность* постройки произведеній г. Григоровича, и вы поймете нѣкоторое отвращеніе, которое дѣятельность этого, впрочемъ весьма даровитаго въ другихъ отношеніяхъ, сочинителя на поприщѣ изображеній народнаго быта возбуждала и возбуждаетъ въ людяхъ, знающихъ народный бытъ не по слуху. Вообще это *пейзанская*, а не народная литература. Несомнѣнное благородство стремленій и важность впервые поднятыхъ вопросовъ относятся къ гражданскимъ, а не къ поэтическимъ заслугамъ.

Другого рода писатели, выступившіе послѣ, были уже полными хозяевами въ изображаемомъ ими быту, были чистые специалисты, или пожалуй, жанристы,—въ лучшемъ смыслѣ этого слова, какъ г. Максимовъ,—или въ худшемъ, какъ г. Потѣхинъ. Послѣдній можетъ быть очевиднымъ доказательствомъ того, какъ крайность художественнаго специализма, или жанризмъ въ худшемъ смыслѣ этого слова—противорѣчитъ понятію объ искусствѣ; и его же, запечатлѣнная все-таки нѣкоторымъ, и даже, пожалуй, сильнымъ, талантомъ, обличающая не то что простое короткое знакомство съ изображаемымъ имъ бытомъ, а непосредственное съ нимъ сліяніе, дѣятельность, сопоставленная и сравненная съ дѣятельностью Островскаго, освѣщаетъ эту послѣднюю яркимъ свѣтомъ. Г. Потѣхинъ, выступившій въ своихъ первыхъ, грубыхъ, какъ и всѣ послѣдующія, но оригинальныхъ по содержанію и характерамъ повѣстяхъ, полнымъ хозяиномъ языка и нравовъ избранной имъ сферы, въ драмахъ своихъ сталъ, какъ спеціалпстъ, какъ

жанристь, развивать общія народныя задачи или мотивы Островскаго. Островскій написалъ „Не въ свои сани не садись“; г. Потѣхинъ увлекся, разумѣется невольно, типомъ Русакова и драматическимъ отношеніемъ отца и дочери, и далъ публикѣ „Людской Судъ—не Божій“, гдѣ типъ Русакова перевелъ въ жанръ, судьбу дочери въ печальную мелодраму, общедоступное иатетическое въ отвратительный вой кликуши. Островскій въ личности Петра Ильича тронулъ нѣсколькими художественными чертами размашистую до безпутства широту русской природы; г. Потѣхинъ поэтической, хотя только слегка тронутый поэтомъ, типъ Петра Ильича изуродовалъ въ неумномъ мужикѣ, три акта пьянствующемъ и наконецъ въ четвертомъ доходящемъ съ пьяныхъ глазъ до уголовщины въ драмѣ (!) „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“,— всѣхъ женщинъ Островскаго обратилъ въ бабъ, бабъ-кликушъ, бабъ-плакальщицъ, бабъ-завывальщицъ. Никто не заподозритъ меня, конечно, въ томъ, чтобы я съ презрѣніемъ эстетиковъ-аристократовъ употреблялъ слова: *мужикъ и баба*,—я хотѣлъ только указаніемъ на жанризмъ пояснить дѣятельность Островскаго. Его типы—не жанръ, не спеціальность быта, не мужики, не бабы; хотя по мѣстамъ, гдѣ это нужно, мужики, даже еще спеціальнѣе: ямщики,—бабы разнаго рода: бабы халды ¹⁾, бабы плакущія, являются у него съ своею особенною фізіономіею. У него русскіе люди и русскія женщины въ ихъ наиболѣе общихъ опредѣленіяхъ, въ ихъ существенныхъ чертахъ, являются какъ типы, а не какъ жанръ.

1) *Халда*—по Далю, грубый, безстыжій человѣкъ, нахаль, крикунъ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Ѳ. Саводника.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

- Выпускъ 1-й. Автобіографія Апол. Григорьева: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества“ (съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника). Ц. 60 к.
- Выпускъ 3-й. Развитие идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Ц. 50 к.
- Выпускъ 5-й. „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Ц. 15 к.
- Выпускъ 7-й. Лермонтовъ и его направленіе. Ц. 35 к.
- Выпускъ 10-й. И. С. Тургеневъ и его литературная дѣятельность. Ц. 50 к.
- Выпускъ 11-й. О національномъ значеніи творчества А. Н. Островскаго. Ц. 30 к.
- Выпускъ 13-й. Поэзія Некрасова. Ц. 25 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени:

- Выпускъ 2-й. Парадоксы органической критики (съ критической статьей В. Саводника).
- Выпускъ 4-й. О правдѣ и искренности въ искусствѣ.
- Выпускъ 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.
- Выпускъ 8-й. Гоголь и его „Переписка съ друзьями“.
- Выпускъ 9-й. Русская литература въ срединѣ XIX вѣка (Бѣлинскій и его „историческая критика“).
- Выпускъ 12-й. Раннія произведенія гр. Л. Н. Толстого.
- Выпускъ 14-й. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны.
-